

Год 1914-й. Время прозрения

Автор:

Александр Михайловский

Год 1914-й. Время прозрения

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

В закоулках Мироздания #14

Первая Мировая Война в разгаре. На западе пала Бельгия, а германские полчища рвутся к Парижу, в Боснии разгорелась иррегулярная маневренная война, в которой силам маленького королевства балканских славян оказывает некий господин Серегин. Но главные события происходят в Восточной Пруссии, где Артанская армия напрямую вступает в бои на стороне Российской империи. Там с врагом дерутся герои Бородина, перегибая военный успех на правильную сторону истории.

И как раз в этот критический момент настает время большой дипломатии. С Артанским князем желает встретиться кайзер Вильгельм, чтобы узнать, «за что», а также император Николай, которого внезапно объявившийся союзник сильно пугает. А еще на карте мира есть Англия и Франция, но их никто и ни о чем не спрашивает, ибо с момента победы под Танненбергом это не субъекты, а объекты мировой политики, и глубину своего падения и поражения им только предстоит осознать.

Александр Михайловский и Юлия Маркова

Год 1914-й. Время прозрения

18 (5) августа 1914 года, около четырех часов пополудни. Восточная Пруссия, воздушное пространство южнее Бишофсбурга, рубка имперского штурмоносца «Богатырь».

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Кровавое рубилово за Бишофсбург продолжалось уже несколько часов. Точнее, не так. Сам этот германский городишко не имел для нас равным счетом никакого значения. Не представлял он собой ни значительного населенного пункта, имеющего политическое значение, ни важного узла коммуникаций, за который необходимо драться, несмотря на любые потери. Целью этого сражения – разгром и физическое уничтожение противостоящей нам германской группировки, а особенно ликвидация командующего семнадцатым армейским корпусом генерала от кавалерии Августа фон Макензена. Следом за семнадцатым армейским на юг сдвигается первый резервный корпус германской армии, а поступающие проблемы лучше решать по одной, в рабочем порядке, а не все скопом.

В самой завязке сражения, часов в десять утра, артдивизион танкового полка, выдвинутый в боевые порядки русской пехоты, на пределе дальности нанес концентрированный удар облегченными термобарическими триалинитовыми снарядами по району предположительного расположения штаба семнадцатого корпуса в центре Бишофсбурга. Там только проснулись, плотно позавтракали и начали строить планы на день, не ожидая от русских варваров ни сражения, ни даже банального сопротивления арьергардов, поэтому лавина снарядов ужасной разрушительной силы стала для штабных офицеров и самого герра Макензена полной неожиданностью. Впрочем, долго пугаться им не пришлось: перекрывающие друг друга разрывы (общий расход пятьдесят снарядов) превратили в пылающие руины ратушу и изрядную часть ее окрестностей. Обугленные, зачастую разорванные на несколько частей трупы будут вытаскивать из-под развалин еще несколько дней.

К вражескому командному составу я никаких сентиментальных чувств не испытывал. Примерно за час до нанесения артудара моя энергооблочка обнаружила место, где германцы содержали русских пленных, захваченных

на первом этапе сражения, после чего батальон капитана Коломийцева произвел их силовую экстракцию через портал. По рассказам выживших, раненые, которые не могли передвигаться самостоятельно, были застрелены германскими солдатами по приказу офицеров. И вот тут на меня дохнуло такой благородной яростью, что я решил, что херр Маккензен и его штабные офицеры не нужны мне теперь даже пленными. Будущие активные сторонники прусского милитаризма и гитлеровского нацизма, они после поражения в первой мировой войне воссоздадут из руин германскую армию и отправят ее в завоевательные походы на Запад и Восток. Будущих Гудерианов, фон Манштейнов, фон Клейстов, фон Рунштедтов и фон Леебов лучше давить, пока они оберлейтенанты, капитаны и майоры – а потому их выживание не было предусмотрено планом операции, и гибель нескольких десятков штабных офицеров и генералов не вызвала у меня ничего, кроме чувства мрачного удовлетворения. Туда им и дорога, в аду уже заждались свежей порции прусского юнкерского мяса. И вообще, в ближайшие два-три дня моя армия не будет брать немцев в плен – ни генерала, ни рядового зольдата.

Убедившись, что германская курица обезглавлена, я оттянул особый артдивизион во второй эшелон для контрбатареинной борьбы и принялся изучать диспозицию. Прямо напротив нас в районе деревни Хаасенберг расположилась 3-я резервная дивизия генерала фон дер Гольца, которому поставлена задача преследовать деморализованных отступающих русских, чтобы не дать им оправиться и вернуться на поле боя. 35-я и 36-я пехотные дивизии семнадцатого армейского корпуса встали на ночевку в окрестностях дороги Бишофсбург – Алленштейн. Намерения покойного командующего семнадцатым корпусом и его штабистов читались будто по открытой книге: пока фон дер Гольц будет преследовать остатки деморализованного русского армейского корпуса, 35-я и 36-я дивизия совершат форсированный марш в западном направлении и к исходу дня выбьют из Алленштейна русские кавалерийские авангарды, ибо основные силы второй армии развернуты фронтом на запад в ожидании подхода германских резервов, перебрасываемых из-под Парижа.

Но этим планам не суждено было сбыться. Первый удар по третьей резервной дивизии нанесли мои бородинские ветераны под командованием генерала Воронцова. Все началось с того, что в районе деревни Гейслинген марширующие германские зольдатены нарвались на полукруговую засаду бойцов в форме цвета хаки. Грохнули первые выстрелы из батальонных пушек, низко над землей рванули ватные клубки шрапнельных разрывов, пересекающие в походных колоннах кровавые борозды, татакнули из положения лежа многочисленные Мадсены, редко, но метко защелкали «избыточно точные» Арисаки егерей

суворовской выучки, не привыкших тратить зря ни одного выстрела. При этом свою кавалерию и приданную ей танковую роту я направил в обход за лесным массивом по левому флангу с целью выйти с тыла к деревне Хаасенберг и уничтожить командование третьей резервной дивизии – лишнее оно на этом празднике жизни.

Чтобы навязать сражение намылившемуся на запад семнадцатому корпусу, мне нужно было дождаться подтягивания обратно убежавшей на юг 16-й пехотной дивизии генерала Асмуса, а также 4-й кавалерийской дивизии, начальника которой, генерал-лейтенанта Толпыго, по моей наводке Горбатовский сменил на бывшего командира второй бригады генерал-майора Мартынова. Господин Толпыго – человек больной, требующий длительного лечения в тыловых условиях, а потому в боевой обстановке вялый, и для активных действий малопригодный. Впрочем, из исторических штудий мне были известны командиры, которые, страдая, к примеру, язвой желудка, продолжали весьма активно командовать своими дивизиями, корпусами и армиями. А это значило, что в господине Тополыго, как и в генерале Гвидо Рихтере, нет того внутреннего стержня, что превращает обыкновенного человека в защитника родины.

А вот в генерале Нечволодове, генерале Мартынове, генерале Асмусе, полковнике Арапове (возглавившем сводную пехотную бригаду корпусного резерва), такой стержень имелся. К сожалению, большинство из этих людей после Великого Раскола пошли к белым, а не к красным. При этом не стоит забывать ни о нереалистичных марксистских идеологемах, начертанных на большевистских знаменах, ни о таких кровожадных политических деятелях, как Свердлов и Троцкий (вкуче с многочисленным сонмом их подражателей). Моя задача – как раз в том, чтобы все необходимые социальные преобразования были осуществлены сверху, разделение на бар и мужиков отошло бы в прошлое само собой, и брат никогда бы не пошел на брата, а сын на отца. Ибо, когда случается такое, то радуются только англосаксы.

Кстати, генералы бородинского закала – они, конечно, люди своей эпохи, помещики-крепостники, – но, попав внутрь Единства, изменились даже они. Так же, как я воспринимаю их частью себя, они стали воспринимать своих солдат. Офицер по праву своего рождения прикреплен государством к пистолю и шпаге. Дворянская вольность, введенная императором-недоделком Петром Третьим, воспринимается этими людьми как юридическая фикция. Можешь не служить, а служить должен, потому что иначе стыдно-с. Все равно, что недоимператор в пьяном угаре издал бы указ, что дворяне имеют право ходить

голыми аки звери-обезьяны, ибо по своему благородству не знают, что такое стыд. Может, кто-то голым ходить и будет (ибо стыда не ведает по определению), но вот герои Бородина на такое будут не согласны. Солдаты, с момента рекрутского набора прикрепленные не к сохе, а к ружью, воспринимаются ими не как бессловесные нижние чины, а как младшие члены воинского сословия.

И вообще, если видишь в ком-то продолжение себя, то уже не будешь тиранить его и подвергать издевательствам. На такое способны только люди с сильными психическими отклонениями, несовместимыми с принятием Призыва. Формула «я – это ты, а ты – это я», действует не только по вертикали, между Патроном и Верными, но и между Верными, по горизонтали. И солдаты, почувствовав изменившееся к себе отношение, ответили своим командирам если не пылкой любовью, то непоколебимой преданностью. А это уже совсем не тот уровень сплочения и управляемости частей и соединений, что был у них прежде. Я знаю, что на первых порах доступ к такому уровню мощи даже кружил некоторые особо неустойчивые головы, и хорошо, что это случилось во время полигонной подготовки. А то дров было бы наломано немерено. Батальон Верных, сгоряча брошенный на пулеметы, умрет, но не отступит, но тому офицеру, который так сделает, будет потом невыносимо больно, ибо каждую солдатскую смерть он ощутит как собственную. Поэтому там, где прежде герои-бородинцы пошли бы на врага шеренгами в рост, не кланяясь картечным и ружейным пулям, теперь применяется тактика засад, рассыпного строя и коротких перебежек. Здесь, на Первой Мировой Войне, солдаты и офицеры армии Багратиона проходят практические занятия и сдают последние зачеты по тактике боев в двадцатом веке. На уровне сорок первого года учиться им будет уже поздно.

Я наблюдал за завязавшимся боем с воздушного командного пункта в рубке штурмоносца. Великолепный обзор, отличная связь, можно даже сказать, комфорт, и в то же время ни малейшей опасности в воздухе. Местные аэропланы на «Богатырь» могут только погадить, как, собственно, и какие-нибудь мессершмитты четверть века спустя. С высоты было видно, как серая колбаса марширующих германских батальонов втянулась в приемную горловину патентованной мясорубки, и та принялась плевать во все стороны кровавым фаршем. И, наконец, как аккомпанемент разгорающему бою, по германским артиллерийским батареям, развертывающимся для поддержки своей избиваемой пехоты, с закрытых позиций ударили мои пятнадцатисантиметровые гаубицы. Наивные как дети (ибо другому их еще никто не учил), немецкие артиллеристы, как в девятнадцатом веке, даже под шквальным огнем крупнокалиберных гаубиц стремились выйти на рубежи прямой наводки, чтобы

с дистанции в пару километров частым градом шрапнелей причесать зловредную засаду, доставившую столько неприятностей кригскамрадам.

Впрочем, те германские полевые орудия, что все же смогли прорваться через частокол фугасных разрывов на назначенные им позиции, тут же попадали под огонь батальонных пехотных пушек, поддерживающих действия моей пехоты. Батальонные командиры моментально обнаруживали возникающую опасность и тут же нацеливали подчиненных им артиллеристов на ее устранение. А те и рады стараться. Даже трехфунтовая полевая пушка времен наполеоновских войн была в два раза тяжелее изделия полковника Арисаки, имела втрое меньшие дальность и скорострельность при вдвое более легком снаряде. Единственным недостатком компактной японской поделки оставалось отсутствие противооткатных систем, из-за чего при каждом выстреле пушка отлетала назад на несколько метров. Но этот недостаток не смущал артиллеристов из начала девятнадцатого века, ибо иного поведения орудия при выстреле они и не знали.

Избегая шквального артиллерийского огня, превратившего поля перед злосчастливым Гейслингеном в зону смерти, германская пехота стала веером разворачиваться в боевые порядки по обе стороны от дороги, стремясь навязать сражение в лесных массивах, ведь засада на самом деле не может быть особо многочисленной, не так ли, камрады? Ну что же, их ждет небольшой, но весьма неприятный сюрприз, ибо сражениям на пересеченной местности и в условиях лесных массивов мои бородинские гвардейцы обучены ничуть не хуже, чем правильному ружейному бою на открытой местности. Но самое страшное дело – сойтись с русскими чудо-богатырями в штыки, ибо этому делу их на совесть учили еще в родной армии, где пуля была дурой, а штык – молодцом.

И в то же время с высоты были видны гонцы-мотоциклетчики, которых фон дер Гольц засылает к генералу фон Маккензену: мол, веду тяжелый бой с соединением неизвестной государственной принадлежности, несущие тяжелые потери и прошу помощи. Моих гвардейцев-бородинцев по выучке, вооружению и экипировке с местными русскими солдатами перепутать было невозможно. Форма только одного цвета, и язык солдат русский, а все остальное радикально отличается. А генерала Маккензена уже и нет, весь кончился. Имеются только командир 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Отто Хенниг и командир 36-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Констанц фон Хеннечиус, а при них – ни одного старшего начальника, способного принять осмысленное решение. Телеграф из Бишофсбурга отбивает панические сообщения, но только и в штабе

восьмой армии никто не может принять на себя ответственность. Генерала фон Приттвица с должности командарма уже турнули, а Гинденбург на его место еще не прибыл. И вот, наконец, сначала 36-я, а потом и 35-я дивизии прямо с марша разворачиваются на сто восемьдесят градусов и спешат в горнило разгорающегося сражения. Правильным путем идете, камрады, тут вас и похоронят...

19 (6) августа 1914 года, около двух часов пополудни. Санкт-Петербург, Аничков дворец, покои Вдовствующей Императрицы.

Император Николай буквально ворвался в покои вдовствующей императрицы.

– Ники! – воскликнула хозяйка Аничкова дворца. – На кого ты похож? Я тебя совсем не узнаю!

– Маман, – заявил в ответ ее сын, – нам нужно поговорить без свидетелей. Дело более чем серьезное.

– Серьезное?! – переспросила та. – Так что же такое стряслось, что ты примчался ко мне сам не свой, будто за тобой гонится тень твоего злодейски убиенного прапрадеда императора Павла Петровича?

– Все гораздо хуже, – ответил император, отирая со лба хладный пот. – За мной гонится тот, кто называет себя Господним Посланцем и Бичом Божьим. Этот человек, или не совсем человек, незадолго до войны впервые объявился в Сербии, произведя невероятный фурор. Стана и Милица прожужжали любезной Аликс все уши, рассказывая о похождениях Артанского князя Серегина, славного тем, что он может приходить ниоткуда и уходить в никуда. А еще у него, как у настоящего сказочного героя имеется заколдованный город в волшебном Тридесятом царстве, фонтан Живой воды и меч-кладенец, яростно сияющий светом Первого Дня Творения. Ночью этот меч освещает все на версты окрест, а днем затмевает сияние полуденного солнца.

– Сказочный герой? – отмахнулась вдовствующая императрица. – Это несерьезно. Скорее всего, это просто ловкий мошенник, очаровавший доверчивую белградскую публику. Ведь сербы – они как дети: если показать им палец, то они засмеются, а если сделать козу, заплачут.

– Сказочным героем этот человек только кажется, – прошипел император. – Сказочные герои не бросают в пламя битвы прекрасно экипированные и оснащенные дивизии с артиллерией и боевыми машинами, и не открывают свои госпитали для раненых русских воинов, где те по Божьей Воле и силой Живой Воды в кратчайшие сроки излечиваются от самых тяжелых ран. Победоносные для русского оружия битвы под Танненбергом и Бишофсбургом прошли при непосредственном участии артанских войск, которые господствовали на поле боя за счет своей непревзойденной выучки и подавляющей мощи артиллерийского огня. Есть сведения, что в артанских дивизиях служат солдаты и офицеры, в своих родных мирах принимавшие участие в Бородинской битве и обороне Севастополя во время Крымской войны. Господин Серегин вооружил их трофеями своего японского похода, преподавал тактику сражений двадцатого века, а выучка нескольких десятков лет непрерывных войн, воинская дисциплина и чувство долга у них имеются свои.

– Это как – японского похода? – переспросила хозяйка Аничкова дворца. – Ники, я ничего не понимаю...

– Эта информация пришла из Белграда, – нехотя сказал Николай. – Человек, который сообщил эти сведения нашему военному агенту[1 - Военный агент, он же военный атташе – представитель военного ведомства при дипломатическом представительстве или миссии назначившего его государства.], был ранен во время австрийской бомбардировки сербской столицы, и по повелению артанского князя вместе с другими пострадавшими его переместили в госпиталь, расположенный в так называемом Тридесятом царстве. Там пахнет миррой и ладаном, как в храме, там из земли бьет фонтан живой воды, там старики вновь становятся молодыми, там в заколдованном городе на перекрестке миров можно встретить самых разных исторических деятелей: византийских полководцев Велизария и Нарзеса, древнерусского князя Александра Ярославича и его отца Ярослава Всеволодовича, отставного царя-вьюноша Федора Годунова, французского короля Генриха Четвертого и императора Наполеона Бонапарта, туда на огонек заглядывает магически излеченный от оспы император Петр Второй, внутри которого сидит дух его великого деда Петра Первого, там частенько бывают соратники нашего великого деда – граф Орлов и Великая княгиня Мария Павловна...

Император Николай перевел дух, дрожащей рукой налил себе стакан воды из графина, стуча зубами выпил, после чего, немного успокоившись, продолжил:

– По словам того человека, господин Серегин является ни много ни мало кондотьером Господа, профессиональным исправителем различных вариантов истории. По заданию Свыше путем политических манипуляций или грубой военной силы Артанский князь направляет судьбы различных миров к лучшему исходу, отражает нашествия на русскую землю и улаживает смуты. Для добрых он Защитник Земли Русской, для злых – Бич Божий, Справедливый и Беспощадный Судия. Выиграв одну кампанию, он использует ее плоды для подготовки выполнения следующего задания. Предыдущим его делом было изменение итогов русско-японской войны. Оказав русской армии помощь в одолении генерала Ноги и маршала Оямы, Артанский князь выговорил себе все материальные трофеи этой операции – от винтовок и патронов до артиллерийских орудий, которыми, между прочим, желтомордых макак в обилии снабжали все страны Европы. А еще, маман, в том мире господин Серегин исполнил твою старую мечту, обменяв на троне Мишкина и меня. В Петербурге тысяча девятьсот пятого года сейчас правит император Михаил Второй, а твой старший сын пребывает в Тридесятом царстве на правах почетного гостя с открытым листом. Вот такое пугающее откровение для Нас, возможность встретить самого себя и узнать, чем именно Мы прогневали Всемогущего Господа и его верного слугу.

– Так ты, Ники, боишься, что и сюда этот человек пришел затем, чтобы еще раз свергнуть тебя с трона как царя-неудачника? – спросила вдовствующая императрица.

– Ты же знаешь, маман, – ответил Николай, прикусив губу, – что я не особо держусь за свое место. Меня смущает только то, что в известной Нам истории ни один отставной монарх, подписав отречение, потом не мог прожить и нескольких дней, а вместе с ним зачастую погибала и вся семья. Наш Друг (Распутин) прежде чем исчезнуть, сказал, что господин Серегин не душегуб, а также что он умеет снять корону с головы, не отрывая ее от тела. Не знаю, как уж там было в другом мире, но в одном я уверен твердо: если бы к другому императору Николаю была применена хоть малейшая доля угрозы насилем, то Мишкин в любом случае отказался бы садиться на трон. Это только я такой рохля, а в твоём младшем сыне упрямота хватит и на тебя, и на Папа вместе взятых. Сейчас меня волнует только то, что Мишкин более не способен принять корону не только в силу своего морганатического брака, но по причине изменившихся душевных кондиций. Но если не он, то кто же, ибо Алексей не годен к роли моего преемника, потому что еще мал, и к тому же может умереть в любой момент от этой ужасной болезни.

– Не знаю, что тебе и ответить, Ники... – с сомнением произнесла государыня Мария Федоровна, – могу лишь предположить, что описанный тобой круг общения господина Серегина говорит об этом человеке не как о нигилисте и разрушителе, а как об ответственном монархе и политике. Уж прости меня, сын, но ты далеко не самый лучший самодержец Всероссийский из всех возможных вариантов, и Господь вполне может быть недоволен итогами твоего многотрудного правления. Разве ты не чувствуешь, как под блистающей позолотой все вокруг постепенно превращается в труху и жидкую грязь, разве у тебя не возникает желание бежать прочь, пока дом, в котором ты живешь, не развалился от ветхости, придавив тебя и твоих близких своими обломками? Прежде чем пугаться предполагаемых намерений господина Серегина, узнай сначала, что этот человек хочет на самом деле. Есть у меня предположение, что если бы он задумал в отношении тебя дурное, то мы бы сейчас с тобой уже не разговаривали. Если он с легкостью истребляет целые армии, то что ему отдельный человек, пусть даже и император: чик – и больше нет его...

– Но господин Серегин, – вздохнул Николай, – в своей стране зашел дальше самых радикальных социалистов, объявив о полном равенстве себя и простонародья...

– Главные слова тут – «в своей стране», – отрезала вдова императора Александра Третьего. – Любой самовластный монарх в своих владениях волен делать все так, как ему угодно. К тому же это самое «полное равенство» может оказаться либо ничего не значащей юридической фикцией, либо чем-то таким, что просто не входит в круг наших понятий. Даже демократичнейшие французы, написав на своих знаменах «свобода, равенство, братство», отнюдь не сделали своих сограждан ни свободными от необходимости добывать себе кусок хлеба, ни равными перед обстоятельствами судьбы, а уж о братстве между французами не стоит и говорить. Господин Золя – вот уж кто истинный карбонарий – описал тамошние обстоятельства выпукло и в красках. Мой тебе совет, сын: если у тебя есть такая возможность, то дай господину Серегину знать о том, что ты хочешь вступить с ним в переговоры и обсудить планы по дальнейшему ведению войны.

– Такая возможность у нас есть, – кивнул император. – Нам хорошо известно, что главным протеже господина Серегина в русской армии является участник обороны Порт-Артура генерал Горбатовский, коего мы недавно за громкую победу под Танненбергом повысили с должности начальника девятнадцатого армейского корпуса до командующего всей второй армией. Если мы пошлем ему телеграмму для Артанского князя, то адресат получит ее почти так же быстро,

как если бы сам находился на прямом проводе.

– Хорошо, сын, – кивнула хозяйка Аничкова дворца, – отправляй свою телеграмму, но только учти, что твоя мать тоже хотела бы присутствовать при вашем разговоре. Возможно, Ники, мне удастся заметить то, что ты упустишь по своей обычной невнимательности и легковесности.

– Я помню, что мой покойный дед, датский король Христиан, – вздохнул император Николай, – называл твою сестру, британскую королеву Александру «моя красивая дочь», а тебя «моя умная дочь». Если бы такое было возможно, то я бы уступил высшую власть в России именно тебе, удалившись при этом в частную жизнь, или оставив за собой только банальное сидение на троне... Но, к сожалению, восемнадцатый, «бабий», век давно в прошлом, а в наше просвещенное время, несмотря на всю его эмансипированность, ни один чиновник или генерал не будет подчиняться женщине-императрице. У тебя, конечно, имеются преданные сторонники, но, как Нам кажется, их совершенно недостаточно для того, чтобы, взнуздав Россию, поднять ее на дыбы и повести вперед. В противном случае при такой замене нас будет ждать гибель куда более быстрая, чем, если бы события развивались естественным путем.

– Мой дорогой сын, – хмыкнула вдовствующая императрица, – советую тебе не торопить события и не забивать заранее свою голову всяческой ерундой. При ближайшем рассмотрении все еще может оказаться совсем не тем, чем кажется тебе сейчас. Дождись разговора с Артанским князем, и только потом строй планы на дальнейшую жизнь. А в том, что она у тебя будет, я ничуть не сомневаюсь.

19 (6) августа 1914 года, около двух часов пополудни. Российская империя, Царское село, Александровский парк.

Великая княжна Ольга Николаевна Романова (неполных 19 лет)

Если в послеобеденное время Ольга Николаевна, старшая из цесаревен Романовых, начинала испытывать томления души, то она брала с собой «Евгения Онегина» или, как в данном случае, «Бородино» Лермонтова и удалялась в дебри Александровского, чтобы в уединении предаться своему любимому занятию – чтению. А томиться душе было с чего. С началом войны все пошло

кувырком. Пока в петербургских ресторанах под звон бокалов отмечали будущую победу и делили шкуру неубитого медведя, на границах под грохот залпов бурным потоком лилась русская кровь. А еще имела место братская Сербия, ставшая вдруг яблоком раздора, и ее маленький, но гордый народ, готовый умереть, но не покориться врагу.

О сербских делах много и часто рассказывали закадычные подружки Мама? – черногорские принцессы Милица и Стана. И были эти рассказы странными, будто главы из страшной сказки, длинной, как «Тысяча и одна ночь». Ярко и рельефно в этих рассказах был прорисован образ некоего Артанского князя Серегина: самодержца, полководца и чудотворца, приходящего на помощь слабым и обиженным. Ольга и сама была склонна жалеть всяких несчастных, но господин Серегин в этом деле занимал активную позицию, сторицей возвращая обидчикам долги той же монетой. А еще он оказался не чужд обыкновенного милосердия, широко распахнув двери своих госпиталей в сказочном Тридесятном царстве для всех раненных в боях или просто больных сербов.

Но это были цветочки, далекие и не имеющие особого отношения к огромной стране, собирающейся на битву за свое будущее. Если братушек уже кто-то взялся защищать, то это же к лучшему, меньше забот для русской армии. Калишская резня, а также реакция на нее Артанского князя, задела российское общество гораздо сильнее. Несмотря на все предосторожности германских властей, история об отрезанной голове майора Пройскера, брошенной на стол кайзеру Вильгельму, все же просочилась в газеты – сначала нейтральных стран (Дании и Швеции), а потом и России. Также в те же газеты утекли сведения о сопровождавшем тот страшный подарок гневном письме, составленном на великолепной чеканной латыни. Текст той эпистолы буквально сочился ядом презрения урожденного римского аристократа к дикому германскому варвару, не умеющему соблюдать нормы поведения, общепринятые для цивилизованных людей.

«Примерно шестой век от Рождества Христова, – авторитетно заявили ученые мужи в университетах Берлина, Копенгагена, Стокгольма и Санкт-Петербурга. – Писал крайне образованный человек, весьма умелая подделка под стиль Прокопия Кесарийского или одного из его учеников». И глазами по сторонам зырк-зырк – в поисках коллег, способных составить столь качественную компиляцию. Ну еще бы... Ведь именно Прокопий Кесарийский это письмо по просьбе Артанского князя и составлял.

Впрочем, почтеннейшая публика (и Великая княжна Ольга Николаевна в том числе) не ведала, что проникновение этой истории в прессу началось с толстого анонимного письма без обратного адреса, поступившего в редакцию старейшей датской газеты консервативного направления «Berlingskes Politiske og Avertissements Tidende» (Политический и рекламный журнал Берлинга). А датчан хлебом не корми, дай воткнуть шпильку в бок соседней с юга. Правда, для Дании та история могла закончиться плохо, но Вильгельм сдержался, потому что всего через несколько дней скандал с Калишской резней затмило слово-клеймо «Танненберг». Двадцатый армейский корпус германской армии был вдребезги разбит на том же поле, где пятьсот лет назад потерпели поражение войска тевтонского ордена. И снова газеты, которые сто лет спустя назвали бы турбопатриотическими, на голубом глазу сообщили, что основную роль в одержании этой громкой победы сыграла артанская пехотная дивизия генерал-лейтенанта Дмитрия Неверовского, а также что раненые в битве русские воины были направлены для излечения в госпитали Великой Артании. Совсем недавно, в столетие Бородинской битвы, прах этого героя торжественно перезахоронили в Багратионовых флешах, которые когда-то яростно защищала его дивизия, – и вот он же со своими чудо-богатырями под командой Артанского князя живой-здоровый возвращается в этот мир бить возгордившихся германских варваров.

Образ Артанского князя, сложившийся в голове Великой княжны Ольги Николаевны на основе этих сумбурных и далеко не полных сведений, был ярким, но несколько противоречивым. Император Николай знал об этом человеке не в пример больше, но понимал меньше. С точки зрения девушки с большим сердцем, лечение раненых и страждущих является наивысшей добродетелью государя. С поля боя под Танненбергом господин Серегин забрал к себе даже раненых германцев, пообещав, впрочем, вернуть большую их часть русским властям сразу после излечения (ибо во всех мирах известно, что Артанский князь полон не имеет). Задумавшись о том, кем бы мог быть этот человек, с непринужденностью ворвавшегося в овчарню тигра поставивший на уши всю Европу, Ольга Николаевна отложила в сторону книжку и задумалась. Нет, это не была девическая влюбленность в романтического героя, ведь господин Серегин представлялся ей бородатым мужчиной, скорее пожилым, чем средних лет. А кроме того, он мог быть женат, а влюбляться в такого – и вовсе моветон, и не только для царской дочери. Просто Ольге Николаевне было интересно, кто этот человек, из каких слоев общества он происходит, и как так получилось, что он обрел мощь, достаточную для потрясения самих основ Мироздания. О том что это самое Мироздание – гораздо более массивная штука, чем ей кажется, вертеть которую под силу только самому Творцу, Великая княжна тоже

не подозревала.

От размышлений ее оторвал звонкий детский голосок.

– Привет! – сказало воздушное создание в белом платьице, как две капли воды напоминающее саму Ольгу Николаевну примерно в десятилетнем возрасте.

– Привет, – ошарашенно ответила цесаревна и, не удержавшись, спросила: – Ты кто?

– Я – это ты, только из тысяча девятьсот пятого года, – ответила знакомая-незнакомая девочка. – Разве ты этого не видишь? Ну почти ты, потому что я уже начала меняться, ибо нельзя надолго попасть в заколдованный город Тридесятого царства, и при этом остаться прежней.

– Тридесятого царства? – машинально переспросила Ольга-старшая. – Того самого, где господином Артанский князь Серегин, а не того, что из русских сказок?

– В каждой сказке есть доля сказки, – назидательным тоном ответила Ольга-младшая. – Надо только различать, какая это сказка: добрая, злая или страшная. Но Тридесятое царство – это не сказка, а добрая быль. Там люди не лгут, не предадут, не бьют в спину, не обижают маленьких и делают добро даже вчерашним врагам, если они осознали глубину своего падения и пожелали исправиться. Там посреди города бьет фонтан Живой Воды, там в Башне Силы обитает Артанский князь Серегин, воин Господа, Защитник Земли Русской и Бич Божий, не одобряющий ничего плохого. А когда Сергей Сергеевич чего-то не одобряет, то в силу его полномочий от этого неодобрения запросто можно помереть. А еще там, в Башне Мудрости, живет Его сестра контина Анна Сергеевна, Богиня Разума, которая сама материнская нежность и доброта. Ей самим Творцом позволено прощать всех малых, сирых и убогих, согрешивших невольно или не грешивших вовсе, но родившихся во Тьме. А еще Анна Сергеевна помогает выйти к Свету всем тем, кто заплутал внутри себя, она лечит душевные недуги и помогает людям набраться сил перед роковыми испытаниями. А еще она очень хорошо понимает детей, и счастливы будут те, кого ей доведется воспитывать.

– Я тебе не верю! – упрямо произнесла Ольга-старшая. – Твои слова звучат слишком хорошо, чтобы быть правдой. А сама ты – злое наваждение, порождение злого колдуна, который решил свергнуть моего Папа?, чтобы самому усесться на трон!

– Господи! – вздохнула Ольга-младшая под отдаленное ворчание грома с ясного неба. – Как у нас тут все ужасно запущено! Что я слышу от самой себя – «злое наваждение»? Никогда не думала, что могу вырасти такой ужасной дурой! А ведь говорили, что я самая умная в нашей семье. Ой горе мне, горе... пойду выпью йаду и убьюсь об стену, как говорит моя новая подруга Матильда...

– Ну хорошо, – согласилась Ольга-старшая, – ты не наваждение, ты – это я сама, но только из тысяча девятьсот пятого года. И хоть мне трудно принять такую идею, но готова допустить ее правдивость, потому что она не противоречит наблюдаемым фактам. От Артанского князя с его внезапными появлениями-исчезновениями можно ждать чего угодно. Но скажи, как там у вас обстоят дела в тысяча девятьсот пятом году?

– Там весело, – улыбнулась Ольга-младшая. – От того, что было прежде, Сергей Сергеевич не оставил и камня на камне – в хорошем, разумеется, смысле. Порт-Артур был спасен его войском, макаки, то есть японцы – разбиты вдребезги. При этом наш Папа? подал в отставку, а правит в Зимнем дворце теперь наш дядя Мишель, и ему помогают все здоровые силы общества. Предотвращены Бакинская резня, а также расстрел народной демонстрации в Петербурге, которые сильно изгадили реноме нашей семьи, и теперь будущее Нашей Российской империи светло и прекрасно. А нам Сергей Сергеевич и Анна Сергеевна завещали учиться, учиться и еще раз учиться, ибо, если не улучшать своего образования, можно вырасти дубиной стоеросовой, которой станут бить в лоб, а она будет только спрашивать, где это звонят.

– Мда... звучит как сказка... – сказала Ольга-старшая, – и хоть я совсем не против побед, но все равно идея с заменой монарха кажется мне несколько сомнительной. Да, наш Папа? не самый лучший император, но любой другой может оказаться еще хуже. Да и вы сами утратили статус наследной принцессы и непонятно чему радуетесь.

– И ничего, что мы больше не принцессы! – топнула ногой Ольга-младшая. – Зато мы сможем выучиться на кого захотим, а потом выйти замуж по любви, а не так, как наша добрая тетюшка Ольга, которую бабушка и Папа? выдали замуж

за гнусного мужеложца! Официально тебе скажу, твое императорское высочество Ольга Николаевна: ты, как и все остальные, живешь внутри злой сказки, в которой четырех принцесс и их маленького братца плохие люди возжелали казнить злой смертью. А поверх вашей могилы они хотят навалить трупы еще двадцати миллионов русских людей, ибо такое ими уже задумано[2 - Ольга-младшая ориентируется на историю из книг и не знает, что в этом варианте бытия слова о переводе войны империалистической в войну гражданскую так и не прозвучали вслух, ибо тому воспротивился Серегин.]. И эту злую сказку сделать былью гораздо проще, чем что-то хорошее, потому что ломать – не строить. Если посчитать на пальцах, то до ужасного конца вам осталось не больше четырех лет. А потом всё – Папа? отречется в любом случае, ибо править будет более не в состоянии. И кричи не кричи, на помощь больше уже никто не придет, ибо сама Россия вспыхнет к нашему семейству лютой ненавистью. Сергей Сергеевич пришел в ваш мир как раз для того, чтобы все переделать и отменить плохой конец, который наши Папа? и Мама? по неразумию приближают изо всех своих сил. Нас Он от той злой участи уже спас, и теперь пришел к вам. Запомни, мое дорогое второе Я: выбор у него между тобой, будущей государыней императрицей Ольгой Николаевной, и построением народной республики трудящихся, ибо наша семья исчерпала сама себя. Республику Сергей Сергеевич учреждать не хочет, ибо, говорит он, это кровавая маета на несколько лет, когда одни уже не могут, а другие еще не способны стоять на своих ногах.

– Я тебе не верю! – упрямо произнесла Ольга-старшая. – Государство наше могуче, армия победоносна, власть моего Папа? крепка, а народ нас любит. Не может быть такого, чтобы кто-нибудь задумал нас убить!

– Ну вот, опять за рыбу гроши! – развела руками Ольга-младшая. – Лилия, ну скажи же ты ей! Или вылечи от этой дури неверия в очевидное, ты же умеешь!

Хлоп! – и рядом с Ольгой-младшей объявилась еще одна девочка чуть постарше, в белом платье; над ее аккуратно уложенными темными волосами парил нимб христианской святой.

– Святая Лилия-целительница, Ваше Императорское Высочество, – сделал книксен, представилась она ошарашенной Великой княжне, – а также по совместительству античная богиня первой подростковой любви. Должна признаться, что это была именно моя затея – помочь вам морально подготовиться к неизбежному исходу, прежде чем Серегин обратится к вашему

отцу с официальным предложением. Но, видимо, лучше один раз прочитать, чем сто раз услышать, а потому – держите. Историю пишут победители, так что полюбуйте, что напишут о вас те, что придут вам на смену, если вы так и будете сиднем сидеть на одном месте.

С этими словами Лилия-целительница вручила Великой княжне толстую книгу, скромно обернутую в плотную белую бумагу, после чего продолжила:

– И имейте в виду, Ваше Императорское Высочество, что книга библиотечная, так что после прочтения ее нужно вернуть. Страницы при чтении не рвать и слезами в отчаянии не мочить. И помните, что вашим делом уже занимаются, так что все для вас будет лучше, чем описано в этой истории. А сейчас мы пошли. Надо торопиться, ибо сюда идут. Пока-пока, Ваше Императорское пока еще Высочество, до скорой встречи!

Хлоп! – и обе девочки исчезли, будто растворились в воздухе. А через полминуты из-за поворота аллеи показалась запыхавшаяся Татьяна. Увидев, что сестра погружена в раздумья, держа на коленях обернутую в бумагу книгу (что с ней бывало довольно часто), Татьяна пожала плечами, повернулась и удались прочь. Вечером, в их общей девичьей спальне, она выведает у сестры все секреты, а сейчас ей лучше не мешать.

Ольга проводила сестру взглядом, вздохнула и, открыв титульный лист книги, переданной ей при таких странных обстоятельствах, холодея от ужаса, прочла:

«ИСТОРИЯ СССР

УЧЕБНИК ДЛЯ 9 КЛАССА

Авторство: Илья Борисович Берхин, Иван Антонович Федосов

Издательство Просвещение Москва 1982 год

Оглавление:

РОССИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА. ПРОЛЕТАРСКИЙ ЭТАП ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА МИРОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЮ, ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА В СССР...»

А внизу страницы имел место овальный фиолетовый штамп «Библиотека (неразборчиво) гвардейского танкового полка».

На мгновение Ольге захотелось отбросить от себя эту проклятую книгу, будто извивающуюся в руках ядовитую змею, и закричать благим матом, но она подавила в себе это желание, открыла страницу и принялась читать то, что о деятельности ее дорогого Папа и всего Дома Романовых думали люди, жившие семьдесят лет тому вперед...

19 (6) августа 1914 года, вечер. Российская империя, Царское село, Александровский дворец, общая комната цесаревен Ольги и Татьяны.

Вечером после ужина Татьяна как клещ вцепилась в свою старшую сестру и в итоге все же вытащила из нее признание. Вздохнув, Ольга извлекла на Свет Божий злосчастную книгу и водрузила ее на стол.

– Потертая, – задумчиво произнесла Татьяна, наугад перелистнув несколько страниц.

– По этой книге учили истории гимназистов, а не держали ее на полке, – ответила Ольга, – Массовое издание для массовых людей эпохи всеобщей грамотности. Наш Папа? все тянул с этим делом, а эти вот сподобились сразу после своей победы.

– А кто «эти»? – тихо спросила Татьяна.

– Большевики, – так же тихо ответила Ольга. – Сейчас они почти незаметны, но когда придурки, которых собрал вокруг себя Папа?, разрушат государство, последователи господина Ульянова развернутся во всю ширину своей и так далеко не узкой души.

– Придурки бывают только при дураке или при дуре, – едко заметила Татьяна. – Наши Папа? и Мама? при всех своих недостатках такого определения не заслуживают.

– Если верить содержимому этого учебника, – Ольга постучала пальцем по книге, – то заслуживают. Все началось с коронационной давки на Ходынском поле. Потом – введение золотого стандарта, поражение в войне с японцами, смута пятого-седьмого годов, вызванная расстрелом вполне мирной демонстрации в Санкт-Петербурге, реформы господина Столыпина и война с германцами. Через все это наш Папа? приближал свержение Самодержавия, ссылку и расстрел всей нашей семьей. И все это он сделал сам, своими руками, исключительно при помощи дурных советников, расшатывавших государство. Сочетание устаревшей государственной машины, все время богатеющей буржуазии (две трети которой иностранный капитал) и нищающего народа представляют собой крайне взрывоопасную смесь, а Папа? отмахивается от этой угрозы, как от назойливой доуки.

Ольга открыла книгу, отчеркнув ногтем нужную строку.

– Вот смотри, – сказала она, – перед войной, то есть прямо сейчас, в России производилось промышленных товаров в валовом исчислении в шесть раз меньше, чем в Германии, и в тринадцать раз меньше на душу населения. И так далее. И в то же время значительная часть доходов российской промышленности и сельского хозяйства вывозится за границу – либо как плата за выданные иностранные кредиты, либо как доход иностранных владельцев наших заводов и фабрик. Две трети иностранной собственности в нашей промышленности – это чрезмерно большое, просто опасное количество капитала, превращающее Россию в полуколонию развитых стран Европы, причем всех сразу. А у нас все танцевали и веселились, как пассажиры на Титанике, еще не ведающие, что они обречены. – Ольга вздохнула и подвела итог: – Несмотря на некоторую тенденциозность в подаче материала, трудно спорить против фактов, изложенных в этой книге, особенно если учитывать влияние уже начавшейся войны. Стоит боевым действиям хоть немного затянуться – и германцы начнут давить наших чудо-богатырей своей непревзойденной экономической мощью. Уже сейчас они обнаруживают существенное превосходство в артиллерии, а когда наши пушки расстреляют запасы снарядов, сделанные в мирное время, наступит так называемый «снарядный голод», когда на один русский выстрел германцы смогут отвечать сотней. А в тылу в это время начнутся обычные русские неурядицы: жирные коты буржуазии будут жиреть

еще больше, народ беднеть, бабы и ребятишки в деревнях опухнут с голоду, потому что их мужиков угнали на фронт, а зерноторговцы в ожидании роста цен решат придерживать товар, провоцируя голод даже там, где его быть не должно. При этом Санкт-Петербург в зимнее время ожидает голод и холод, потому что до войны уголь для отопления привозили по морю из Британии, а потому зимой придется выбирать между едой и теплом, ибо мощности железной дороги и для поставок того, и другого окажется недостаточно. А наш Папа? не предпримет ровным счетом ничего, чтобы устранить все эти неустройства. И вот настанет момент, когда пришедший в отчаяние народ взбесится от безысходности и выйдет на улицы с требованием наладить поставки хлеба. Начнется всеобщая забастовка и прочий праздник непослушания. Папа? из ставки в Могилеве будет требовать подавить выступления силой и восстановить порядок, но войска гарнизона в народ стрелять откажутся, а чуть позже и вовсе перейдут на сторону восставших. В Петербурге начнут появляться рабочие советы, но главными на этом этапе будут не они. Группа «прогрессивных» деятелей нашей бесполезной говорильни, во главе с господином Родзянко, назовется Временным комитетом Государственной думы и заявит, что берет на себя восстановление государственного порядка и создание нового правительства. И сразу все в России расплывется жидкой грязью, армия повсеместно будет выходить из подчинения командования, и через несколько дней, поняв, что он больше не может ничем править, наш дорогой Папа? отречется от престола в пользу дяди Мишеля. А тот и вовсе никогда не хотел царствовать, тем более в таких похабных условиях, и потому сразу отречется без всяких условий, на чем низвержение Самодержавия можно будет считать свершившимся фактом. История Российской империи закончится, и придет Смутное время, на которое глаза бы мои не глядели. Путь на Голгофу начинается с первого шага.

– О ужас! – только и сказала Татьяна, прижав ладони к щекам. – Неужели все это доведется пережить и нам с тобой?

Не думаю, что все так плохо, – покачала головой Ольга. – Насколько я понимаю, Артанский князь для того и пришел в этот мир, чтобы хорошенько пнуть по колесу истории, направив его по другой, более счастливой колее. И вообще, прочитав эту книгу, я поняла, чему так радовалось мое другое Я, когда в их мире Папа? подал в отставку. Теперь над ними не висит постоянный страх окончательного уничтожения из-за жизни на вулкане: Артанский князь не просто предоставил убежище их семье, но и дал другим нашим воплощениям возможность жить своей жизнью, учиться на кого захочется, влюбляться и выходить замуж по своей воле... что невозможно для представителей

правлящей фамилии.

Немного помолчав, словно в нерешительности, Ольга добавила:

– Та, другая Ольга сказала, что перед Артанским князем сейчас стоит выбор: либо сохранение в России монархии путем возведения на трон подходящего кандидата из нашей семьи, либо построение народной республики трудящихся. Подходящим кандидатом, способным делать монаршую работу надлежащим образом, этот страшный человек, облеченный доверием Высших Сил, считает меня, а республику трудящихся, как я поняла из этого учебника, он собирается делать при помощи так называемой «партии большевиков». Я слышала, что некоторое время назад, перед самой войной некоторое количество людей, входящих в руководство этой революционной организации, вдруг исчезло из своих мест заключения в тюрьмах и ссылках, а другие были найдены мертвыми. Безжалостной рукой Посланец Господа делит революционное стадо на агнцев и козлищ, истребляя потенциальных разрушителей России всеми доступными ему способами.

– А что эти... большевики? – спросила Татьяна. – Они и в самом деле такие страшные?

– В отличие от всех прочих партий и движений, эти якобинцы нашего века прекрасно знают, чего они хотят и как этого добиться, – с горькой усмешкой ответила Ольга. – Они даже русского Бонапарта умудрились вырастить внутри своих рядов, и при переходе от углубления революции к торжеству термидорианской реакции сумели удержаться у власти. Разговоры о том, что в Российской империи необходимо министерство здравоохранения, велись со времен нашего прадеда императора Александра Николаевича, а большевики его учредили чуть ли не на следующий день после своего прихода к власти. И то же самое – с всеобщей ликвидацией безграмотности, укрупнением сельскохозяйственного производства за счет создания крестьянских артелей, а также ускоренным развитием промышленной индустрии, догоняющей развитые страны Европы. Я бы приветствовала все это, если бы ценой такого замечательного развития не стали крах государства моих предков, гибель нашей семьи и три года тяжелой гражданской войны между новыми якобинцами и жирондистами. Эта новая Смута унесла двадцать миллионов жизней русских людей и сократила производство продовольствия на треть, а промышленной продукции – в семь раз. Заводы большевики отстроили и многократно преумножили, заросшие поля распахали, но вот погибших в Смуте было уже

не вернуть – так же, как невозможно наверстать десять лет, потраченные на разрушение и восстановление разрушенного.

Татьяна торопливо пролистала злосчастную книгу, останавливаясь взглядом только на отдельных страницах, и авторитетно заявила:

– В этом учебнике не вся история постимперской России, а лишь ее начало. Повествование заканчивается тридцать седьмым годом, а сама книга издана аж в восемьдесят втором. Пятьдесят лет сплошной терра инкогнито, в которую могли уложиться очень важные, но неизвестные нам с тобой события. И вообще я хотела бы знать, как пресловутый Артанский князь может сочетать титул самовластного монарха со склонностью к различным нигилистическим социальным учениям?

– Я тоже хотела бы это знать, – сказала Ольга, – а посему... Лилия, я же знаю, что ты за нами подслушиваешь и подглядываешь. Так покажись же нам на глаза и дай ответ...

Хлоп! – и под восторженный писк Татьяны посреди девичьей спальни «старшей пары» прямо из воздуха появилась девочка-подросток в древнегреческом наряде, с сияющим нимбом христианской святой над головой.

– Извините, ваши императорские высочества, – сделала книксен маленькая богиня, – это у меня нечаянно получилось. Но я обещаю исправиться...

– Ты прощена, – Ольга по-царски сменила гнев на милость. – Ведь, как я понимаю, иначе я не смогла бы тебя позвать в тот момент, когда у меня возникли неразрешимые вопросы?

– Да, чтобы сохранять возможность коммуникации, я должна была удерживать на вас и этой книге часть своего внимания, – подтвердила Лилия, вытаскивая из складок своего хитончика два картонных прямоугольника, вроде игральные карты. – Но в дальнейшем это будет необязательно. Используя эти портреты, вы сможете связаться со мной в любое время и из любого места. Достаточно провести пальцем по поверхности, и я сразу буду знать о том, что вы хотите со мной говорить.

Ольга и Татьяна переглянулись и синхронно кивнули.

– Очень хорошо, – как старшая ответила Ольга, – ближайшее время, скорее всего, будет бурным, так что твои советы нам очень понадобятся. А сейчас мы хотели бы задать тебе тысячу вопросов, но только не знаем, с какого начать.

Лилия окинула великих княжон внимательным взглядом и кивнула каким-то своим мыслям.

– У меня есть неожиданное предложение, потому что лучше один раз увидеть и потрогать, чем сто раз услышать, – сказала она. – Готовы ли вы, Татьяна и Ольга, к внезапному неофициальному визиту инкогнито в Тридешатое царство? Там вы сможете увидеть то, чего не увидите больше нигде, и встретиться с самыми разными людьми, некоторые из которых в вашем мире давно умерли, а другие еще не родились. А к утру вы вернетесь сюда, и никто не заметит вашего отсутствия. Воспринимайте это путешествие как часть лечения от заразивших вас бактерий безвременной насильственной смерти.

– Но как же мы пойдем – в ночных рубашках и домашних тапочках? – удивилась Татьяна. – Это же неприлично.

– Нет ничего проще! – усмехнулась Лилия и щелкнула пальцами. – Крекс! Фекс! Пекс! Готово!

Не успела маленькая богиня договорить, как сестер окутало облако розовых искр. А когда оно рассеялось, Ольга и Татьяна оказались одеты в скромные белые платья изящного покроя, с подолом до середины икры.

Лилия осмотрела продукт своего магического творчества и сказала:

– Хороши, ничего не скажешь! А теперь идите, сударыни. Вас ждут великие дела!

Шестьсот девяносто седьмой день в мире Содома. Вечер после захода солнца. Зброшенный город в Высоком Лесу.

Шагнув вслед за своей провожатой в дыру между мирами, сестры очутились на площади восточного города, посреди которой шумел, подсвеченный

разноцветными огнями, фонтан, а по краям возвышались украшенные фонариками пагоды. С неба светили особенно яркие, как это бывает в тропиках, звезды, воздух пах миррой и ладаном, а где-то вдалеке слышались звуки духового оркестра, наигрывающего танцевальную мелодию. Первым делом Ольгу с Татьяной потянуло к фонтану – посидеть, слушая звон хрустальных струй, опустить разгоряченные ноги в прохладную воду, а потом, пока никто не видит, разоблачиться донага и окунуться в пронизанную разноцветными искрами живую воду, испытать нечеловеческие негу и наслаждение.

– Э нет, – сказала Лилия, одергивая сестер, – так дело не пойдет! Дух этого фонтана – великий ловелас-соблазнитель, и нет для него большего удовольствия, чем заманить к себе для сексуальных игр парочку неопытных девиц, наивных, будто деревенские простушки.

– Ой! – хором пискнули Ольга и Татьяна, разом делая шаг назад.

– Госпожа Лилия, и много тут еще таких опасных мест? – спросила Ольга, оглядываясь по сторонам.

– По-настоящему опасных мест в пределах Запретного города нет, – отрезала Лилия. – И этот Фонтан не опасен, а, скорее, сомнителен. Одно дело, когда к нему бегают прожженные воительницы, утратившие счет убитым врагам, или омоложенные вдовы, или особи женского пола, от рождения не ведающие понятия девичьей чести. И совсем другое, когда в его воду, не зная броду, лезут совсем неопытные по этой части девицы, чтобы потом жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, ибо после первого наслаждения, полученного в этом фонтане, им уже никогда не узнать счастья в личной жизни с обыкновенным мужчиной.

И будто в подтверждение слов Лилии, чуть в отдалении через площадь прошла компания девиц, мягко ступая по камням мостовой кожаными подошвами плетеных сандалий. Одежды их были, по мнению Ольги и Татьяны, до неприличия коротки, максимум до середины бедра, руки открыты до самых плеч, мокрые после купания вьющиеся волосы стягивали налобные повязки, но на поясах у этих особ висели короткие мечи-акинаки и кривые сабли, а походка и осанка выдавали высокопоставленных особ, знающих себе цену.

– Кто это? – почему-то шепотом спросила Татьяна.

– Амазонки, – так же вполголоса ответила Лилия, – дочери, внучки и правнучки богини Кибелы. Мир Подвалов Мироздания, в котором, по велению Всемогущего Творца, обитаем мы, античные боги, считается ужасно перенаселенным, а потому многие из достойных стремятся его покинуть, чтобы поступить на службу к Артанскому князю. Кибела тоже не против такого решения своих дочерей, потому что однажды Серегин оказал всему нашему миру огромную услугу, избавив его от отпрыска вашего Сатаны, чем предотвратил в нем гибель всего живого. При этом амазонки, покидающие родной мир, получают от Великой Матери благословение на бой кровавый, святой и правый, после чего разрывают с нею связь и крестятся в православную веру. Впрочем, при этом они не оставляют некоторых своих привычек, шокирующих благопристойных обывателей. Они твердо придерживаются так называемой «женской солидарности», редко выходят замуж, без стеснения демонстрируют незнакомцам свое обнаженное тело и тщательно выбирают отцов для своих дочерей. Подавай им как минимум богоравного героя из тех, что, совершив свои подвиги, погибают молодыми, а на обыкновенных мужчинок они уже не согласны. При этом, если подходящих мужчин под рукой нет, амазонки не прочь время от времени покувыркаться в воде с Духом Фонтана, потому что если они не хотят, то от этой связи не будет никаких последствий, кроме небольшого удовольствия.

– А что это за музыка играет там, вдали? – спросила Ольга. – И уж не туда ли, где веселится народ, пошли эти заносчивые девицы-амазонки?

– Да, они пошли как раз на танцульки, которые каждый вечер устраиваются на специальной площадке за городом, – подтвердила Лилия. – И мы тоже отправимся туда, вот только дождемся одного человека...

И в этот момент по слабоосвещенным ступеням Башни Мудрости на площадь Фонтана, подбирая подол, сбежала женская фигура в пышном фиолетовом платье. Когда женщина подошла поближе, Ольга и Татьяна в изумлении уставились на нее.

– Знакомьтесь, девочки, – с некоторым ехидством сказала Лилия, – это маг стихий предпоследней, пятой, ступени посвящения по имени Анастасия, наш главный эксперт по семейству Романовых в его конечной стадии.

– Анастасия? – переспросила Ольга, напряженно вглядываясь в фамильные «романовские» черты на лице молодой женщины, полустертые временем

и трудами мисс Зул.

– Да, Анастасия! – с некоторым вызовом ответила та. – Сейчас просто Анастасия, а когда-то – Великая княжна Анастасия Николаевна.

– А... почему «когда-то»? – спросила Татьяна.

– А потому, – ответила Анастасия, – что я в своем мире я прожила с вами всю свою жизнь до самого подвала в Ипатьевском доме, и когда в нас начали стрелять я, сжавшись в комок от ужаса, взмолилась перед Господом о том, как сильно я хочу жить, и потеряла сознание. Очнулась я уже в степи среди высокими акаций, под странным небом, покрытым перистыми облаками. Только что прошел бурный дождь, так что мое платье было насквозь мокрым, продырявленным и окровавленным. Пули не смогли насквозь пробить корсета, в который были защиты семейные бриллианты, а лишь сломали два ребра и наставили мне кровоподтеков. Поэтому я осталась жива, хотя страдала от сильной боли и была очень испугана. Уже намного позже я узнала, что палачи убили всех, даже камердинера Папа? и нашего семейного врача господина Боткина.

– Бриллианты в корсете? – с недоверием переспросила Ольга.

– Это было решение Мама?, – пояснила Анастасия, – сохранить средства для подкупа охраны при попытке побега и чтобы в дальнейшем выбраться с территории России. На самом деле это было весьма наивное суждение, потому что наша охрана не отличила бы бриллиантов от осколков стекла. У вас у всех тоже была такая защита, только не было возможности спастись в те роковые минуты, когда убийцы еще не поняли, что пули не пробивают корсет. Простите.

– Да, это очень похоже на Мама?... – сказала Ольга. – Но все же, как ты смогла спастись, если мы все погибли?

Лилия вздохнула и пояснила:

– Любой человек со специальными, то есть магическими способностями, даже если он не инициирован, способен в минуту смертельной опасности покинуть свой мир и отправиться в падение к моему родному миру, иначе именуемому Подвалами Мироздания. Ниже его – только Горнило Первозданного Хаоса,

но падать туда хоть обыкновенным людям, хоть магам, хоть античным богам категорически противопоказано, поэтому на уровне Подвалов обустроены специальные ловушки, по-другому именуемые Местами Силы, которые перехватывают все, что валится вниз с верхних уровней. Иногда это люди (живые и уже мертвые), иногда материальные предметы, обломки случившихся катастроф. Самостоятельно выбраться из Подвалов практически невозможно, для этого надо быть либо очень мощным инициированным магом, либо бессмертной сущностью вроде меня... либо капитаном Серегиним, который не знает слова «невозможно», не убивает понапрасну и всегда отвечает ударом на удар, при каждом шаге набирая все больше сил. Мой юридический отец Арес думал, что если у него есть магически накачанные мышцы, меч, копье, шлем, щит и поножи, а у противника только пара кулаков, то поединок у него уже в шляпе, то есть в шлеме. Но не вышло! Серегин уклонился от броска копья, выбил из руки врага меч, а потом приемом «удар сапогом в промежность» поставил Ареса на колени и свернул ему шею борцовским приемом, после чего тот умер окончательно и бесповоротно. Тут же на месте происшествия объявилась ярая аресоненавистница Афина, которая объявила хольмганг[3 - Хольмганг - смертельный поединок у скандинавов.] свершившимся и передала Серегину все имущество покойного, включая энергооболочку и бессмертие.

- Серегин убил твоего отца, и ты об этом так спокойно говоришь? - возмутилась Татьяна.

- Серегин убил сожителя моей матери, который кулаками тиранил и меня, и ее, - отрезала Лилия, - а потому я восприняла это событие с величайшим облегчением и сразу произвела этого богоравного героя себе в приемные отцы, ничуть о том не пожалев впоследствии. Если вам нужен отец или старший брат - решительный, умный, заботливый, сильный и добрый - то лучшей кандидатуры, чем Серегин, не найти.

- Отец у нас уже есть, - хмыкнула Ольга, - и, несмотря на отсутствие у него столь впечатляющего списка достоинств, другого нам не надо, а вот насчет старшего брата стоило бы подумать... Кстати, господин Серегин женат?

- Да, - сказала Анастасия, - он женат законным браком, перед Богом и людьми, на княжне Елизавете Дмитриевне Волконской из параллельного для него мира начала двадцать первого века. Но только, девушки, Великая княгиня Артанская может вас нечаянно шокировать. Помимо того, что эта милая молодая женщина является женой и матерью, у себя на родине она носит звание штурм-капитана

русской императорской армии, ибо там представители дворянских и аристократических фамилий, без различия пола, для сохранения своего статуса обязаны отслужить на государственной, желательна военной, службе определенное количество лет. А иначе – марш в мещане.

– А что, – пискнула Татьяна, – представители царствующей фамилии в том мире тоже служат без различия пола?

– Разумеется, – кивнула Анастасия, – как рассказывала Елизавета Дмитриевна, отпрыски царствующего семейства, а также семей титулованного дворянства, проживают с родителями только до семи лет. Достигнув этого возраста, они в обязательном порядке зачисляются в суворовский и екатерининский кадетский корпуса, где на общих основаниях вместе с прочим контингентом пребывают до завершения среднего образования. Казарменное положение, военная муштра, жесточайшая дисциплина закаляют дух и тело молодых цесаревичей и цесаревен. Но кадетские корпуса – это только промежуточный этап, по их окончании юные цесаревичи и цесаревны поступают в различные высшие учебные заведения, и наиболее важным из них является Академия Государственной Службы, факультет Управления. По законам тамошней российской империи, не имея диплома этого факультета, невозможно взойти на трон, будь ты хоть самым старшим-престаршим сыном царствующего монарха. И именно поэтому, в противовес Российской империи из дерьма и палок, которую знаем мы, тамошнее государство кажется выточенным из цельного куска броневой стали.

– Ладно, девушки, – сказала Лилия, встряхнув головой, – что-то мы тут с вами заговорились. А ведь нам надо еще зайти в библиотеку, пока она не закрылась, чтобы вы могли выбрать себе книги из будущего для чтения на следующий день, а потом посетить танцульки, чтобы понять, как веселится и развлекается наш народ. Вон идет госпожа Кобра, в миру Ника Зайко, а значит, наша компания проводников по Тридесятому царству в сборе.

– Не госпожа, а товарищ Кобра, член Центрального Комитета партии большевиков, – раздался из полутьмы женский голос с хрипотцой, после чего изумленные Великие княжны получили возможность лицезреть высокую молодую женщину в военном мундире мужского покроя[4 - В те бесхитростные времена машкератные военные мундиры подшефных полков для членов семьи Романовых женского пола комплектовались длинными юбками до пола, а не форменными штанами – высокочтенные предки никак не могли признать, что

у женщин тоже две ноги, как и у мужчин.]

В первую очередь в глаза Ольге и Татьяне бросились следующие детали: короткая мужская стрижка новой знакомой и насмешливый прищур уверенного в себе человека, смотрящего на мир через прицел. И лишь потом они обратили внимание на висящий у той на бедре устрашающий ятаган-махайру в потертых ножнах, а также на цепкие руки в кожаных перчатках с обрезанными пальцами.

– Не бойтесь, девочки, – сказала Кобра, подойдя поближе, – солдат ребенка не обидит. Ведь вы же не трехглавый дракон, решивший полакомиться сладким человеческим мясом, и не старый придурок Посейдоний, в зверином облике вздумавший пугать беззащитных nereид.

– Да, – подтвердила Анастасия, – Кобра у нас гроза драконов и прочих чудовищ, в которых так любят оборачиваться древние боги, а вот юным невинным девицам ее бояться не стоит.

– Неужели царские дочери не должны бояться одного из высокопоставленных большевиков, которые ненавидят их всеми фибрами своей души? – с вызовом спросила Ольга.

– Большевики большевикам рознь! – отрезала Кобра. – Батя уже имел с товарищем Лениным приватную беседу, в которой объяснил, что даже в самых неблагоприятных условиях никого тот не зарежет, никого не перережет, потому что в противном случае последствия для самого вождя мировой революции будут чрезвычайно неприятными. Так что не бойтесь, вам лично и вашему братику ничего плохого не грозит. Даже ваши родители, загнавшие Россию по самое брюхо в кровавую трясику, не претерпят от нас ничего, кроме слов морального осуждения. Наша цель – вывести Россию на правильный курс, а не насладиться унижением ее предшественников владык.

– А какой курс для России правильный? – набравшись храбрости, спросила Ольга. – Папа? тоже думал, что ведет Россию в правильном направлении, но привел ее, как вы сами выразились, в кровавую трясику.

– Ваш папенька, – хмыкнула Кобра, – водил России меж трех сосен, туда, куда глядели глаза его советчиков: «две шага направо, две шага налево, шаг вперед и два назад». И каждый раз, ударившись лбом о препятствие, он менял свой курс

на девяносто градусов, до столкновения с новой помехой. И самую первую и, может быть даже главную, ошибку он сделал еще до всех войн и революций. Это надо ж было додуматься – вручить пост министра финансов человеку, который основной своей целью ставил развитие капиталистических отношений в России, а не увеличение благополучия государства и народа. Как сказал ваш дядя Михаил в параллельной реальности, «богатство и сила государства измеряется благосостоянием и преданностью низших классов, а не капиталами высших». Монарх не должен отделять себя от народа, и только в этом случае самодержавный способ правления можно считать оправданным.

И тут из-за спины сестры высунулась Татьяна и спросила:

– В книге, которую передала нам госпожа Лилия, написано, что ниспровержение Самодержавия – главная цель партии большевиков на данном историческом этапе. Не все ли равно, как тогда будет вести себя российский монарх, если нашу семью в любом случае отстранят от власти?

– В настоящий момент принципиальность этого постулата под сомнением, – хмыкнула Кобра, – а некоторые марксистские догмы, вроде неизбежности отмирания государства и необходимости диктатуры пролетариата, и вовсе отброшены во тьму внешнюю. Самодержавие будет низвергнуто только в том случае, если присутствующая тут Ольга Николаевна откажется принимать корону или не справится с возложенными на нее монаршими обязанностями. Но это вряд ли.

– А почему я, а не Алексей? – неожиданно охрипшим голосом спросила Ольга. – Неужели только потому, что он болен этой ужасной болезнью?

– Болезнь – это ерунда, – хмыкнула Лилия, – вылечить я ее не смогу, ибо это не по силам никому, но вот избавить вашего брата от ее последствий вполне возможно, и я это непременно сделаю. Дело в другом... Анастасия, объясни.

– Алексей – это почти точная копия нашего Папа?, – сказала Анастасия. – Он зависит от мнения окружающих и неспособен к длительному волевому усилию. А двадцатый век – это время бурных пертурбаций, в которых будет определяться, какие две державы выйдут в высшую лигу и составят собой главные полюса двуединого мира будущего.

– С одной стороны, – добавила Кобра, – это наверняка будут Североамериканские Соединенные Штаты, а с другой – либо Германия, поглотившая Францию и подавившая Британию и Россию, либо Россия, подмявшая под себя и Европу, и Азию. Первый вариант нас не устраивает категорически – и как русских патриотов, и потому, что биполярность мира в таком случае получится несколько второсортная, а за второй вариант мы готовы драться насмерть. Точнее, мы подготовим для вас максимально выгодные начальные рубежи, а драться в решающей схватке через четверть века придется уже вам. Россия в нынешнем ее состоянии не способна на такую битву ни в коей мере. Социально расслоенная и переобремененная противоречиями она рассыплется в прах после пары лет не самой тяжелой войны... Да вы и сами уже об этом знаете.

– Если та война, которая идет сейчас, считается вами «не самой тяжелой», то что же такое, по вашему мнению, по-настоящему тяжелая война? – спросила Ольга, уже отойдя от первого испуга перед новой знакомой.

– А вот об этом, дорогие мои принцессы, мне кажется, лучше поговорить уже в библиотеке, – усмехнулась Кобра, – ибо только коням свойственно обсуждать свои проблемы стоя. Идите за мной!

В библиотеке, неожиданно для сестер-цесаревен обладавшей большими запасами книг, народу было немного. Основная часть читателей отправилась на танцульки, и лишь небольшое количество интеллектуалов-трудоголиков продолжало грызть гранит науки, несмотря на позднее время. Поговорив с библиотекарем Ольгой Васильевной, Кобра направила всю честную кампанию к столу, за которым тихими голосами разговаривали трое молодых мужчин. Один из них, молодой кавказец с пышными черными усами, был одет в штатский костюм тропического покроя, двое других были офицерами, в мундирах, при погонах, кобурах с пистолетами и холодном оружии.

– Товарищи, – подойдя к их столу, сказала Кобра, – позвольте разбавить ваш сугубо мужской коллектив нашей женской кампанией для крайне серьезного разговора. Если бы об этой встрече узнал товарищ Зиновьев, он от досады съел бы свою шляпу.

Мгновение – и Коба вскочил, будто подброшенный пружиной, а вслед за ним поднялись и товарищи офицеры. Кобру, Лилию и Анастасию они знали прекрасно, и понимали, что интерес у подошедшей дамской компании отнюдь не праздный. К тому же в Тридесятом царстве всем известно, что личные

вопросы решаются только и исключительно на танцуйках, а в библиотеке все встречи случаются исключительно «по делу».

– Мы всегда готовы выслушать, то, что нам скажет товарищ Кобра, прославленная истребительница драконов, гроза царских дочерей и прочих чудовищ, – сказал он.

– Да нет уж, – просмеявшись, сказала Кобра, – говорить будете вы, Иосиф, а мы будем внимательно слушать. Знакомьтесь, товарищи: перед вами как раз царские дочери, и отнюдь не чудовища: Великие княжны Ольга Николаевна Романова и Татьяна Николаевна Романова – прошу, как говорится, любить и жаловать. И вы, девушки, тоже не пугайтесь: этот галантный молодой человек – так же, как и я, член Центрального Комитета партии большевиков товарищ Коба, в миру Иосиф Виссарионович Джугашвили. Его собеседники – это старший лейтенант Сергей Антонов, заместитель командира нашего разведывательного батальона по политической части, и поручик лесных егерей Андрей Вержбовский, командир эскадрона в уланской дивизии подполковника Карпова. Оба они – отважные офицеры, за спиной которых множество славных дел, и оба в своих мирах члены партии большевиков. А теперь прошу всех садиться.

И в этот момент Лилия заявила:

– Ну все, девочки, важную встречу я вам обеспечила, с нужными людьми свела, сама разбираюсь только в медицине и подростковой психологии, а не в политике, а потому дальше уж вы сами. А я пошла. Пока-пока. Когда морально подготовите своего братца к визиту в наше Тридесатое царство для обследования и первичного курса лечения, то выходите на связь. Организуем все в лучшем виде. И имейте в виду, что Серегин может успеть решить этот вопрос гораздо раньше вас...

– Госпожа Лилия! – воскликнула Ольга. – А как же мы с Татьяной вернемся домой, если вы сейчас уходите?

– Обыкновенно, – ответила та, задержавшись на мгновение. – Анастасия с Коброй вас проводят. Они обе – достаточно квалифицированные перворанговые магини, чтобы ходить по уже обследованному миру вдоль и поперек, а Кобра к тому же небольшой демонстрацией Силы способна уладить назревающий скандал любой

степени тяжести. Например, в том случае, если ваши родные обнаружили ваше несанкционированное отсутствие и сейчас уже мочат в соленой воде розги для производства мануального внушения...

– За всю нашу жизнь, госпожа Лилия, Папа? и Мама? не тронули нас и пальцем, – сказала Ольга. – Хотя, если кто-то обнаружит, что мы с Татьяной исчезли из запертой изнутри спальни, скандал и в самом деле может получиться грандиозный. В последнее время в нашей семье все на нервах, в ожидании какой-то невероятной катастрофы. Но лично я ни о чем не жалею, ибо теперь могу смотреть в будущее смело, без ужаса и содрогания.

Лилия дослушала, кивнула и, не говоря больше ни слова, исчезла по своим делам, а Кобра сказала:

– Не беспокойтесь, Ольга. Ваш отец уже согласился на прямые переговоры с нашим Серегиным, так что любой скандал с его стороны будет прекращен почти мгновенно, тем более если с вашей стороны прозвучит твердое «Да». Зато ваша мать за должность царицы будет биться как триста спартанцев, несмотря на то, что на престол предполагается посадить ее родную дочь. Вот тут случай особенно тяжелый, потому что если императрицу Александру Федоровну не вылечить от ее многочисленных психосоматических болячек, то ей невозможно будет объяснить даже то, почему дальнейшее пребывание на престоле их супружеской пары с Николаем Вторым каждый день приближает катастрофу. Ведь они не просто не хотят по этому поводу ничего делать, а не понимают даже самой сути угрозы, ибо с самого детства в вашего отца на уровне религиозных догм вколочено убеждение, что он самый лучший, потому что рожден с предназначением править, а все остальное неважно. Чем дальше, тем более настойчивой становится необходимость поменять вашего отца на престоле, пока история не сорвалась в штопор, как и в Основной Последовательности...

– Я скажу «да», только если получу устраивающие ответы на несколько ключевых для меня вопросов, – вскинула голову Ольга. – Во-первых – я хотела бы получить заверения, что от революционного террора не пострадает не только самый ближний круг моих родственников, но и вообще никто из тех, кого господа революционеры называют «кровавой царской сворой». Никто не должен подвергаться преследованиям на основании своего классового происхождения и имущественного положения, а только и исключительно за поступки, противоречащие уголовному законодательству и человеческой морали.

Кобра переглянулась с Кобой, который сидел прямо напротив кандидатки в императрицы; тот пожал плечами и кивнул, показывая, что барышня, конечно, попалась с норовом, но ничего чрезмерного в ее требованиях нет. Если бы она не пыталась защитить тех, кого считает «своими», то было бы гораздо хуже, а так есть надежда сработаться.

– Могу вас заверить, госпожа Ольга, – сказал Коба, – что никакого революционного террора не будет, ибо он несовместим с планом товарища Серегина «Революция сверху». Однако вам следует подготовиться к тому, что в крайних случаях своих родственников за различные прегрешения перед страной вы будете судить даже строже, чем обычных подданных, а награждать за подвиги – на общих основаниях. Кому многое дано, с того и спрашиваться должно по повышенной ставке. Главное, чтобы Вы чувствовали сродство со всем многонациональным народом Российской империи, а не только с представителями правящих классов.

– Хорошо, товарищ Коба, – кивнула Ольга. – Во-вторых – мне хотелось бы прояснить вопрос единства российской территории. Планируете ли вы оставить ее в том виде, как и сейчас, или по рецепту из учебника нашинкуете на так называемые «национальные республики»?

Коба отрицательно покачал головой.

– Никакого деления на национальные республики не будет, – твердо сказал он, – опять же товарищ Серегин крайне против такого решения, ибо оно ведет в бездну возбуждения местечкового окраинного сепаратизма и национализма. И в то же время вам следует избегать бездумных попыток насильственной ассимиляции. Различные нации в составе Российской Империи должны быть как страницы в книге: уникальные и прочно прикрепленные к корешку, и в то же время не слипающиеся в единую массу. Программа НАШЕЙ партии по данному вопросу гласит, что население страны должно быть многочисленным, здоровым, зажиточным и разнообразным, при том, что через поголовное владение русским языком как вторым родным финн будет понимать грузина, а армянин – киргиза.

Ольга удовлетворенно кивнула и сказала:

– Вполне согласна с этим пунктом программы ВАШЕЙ партии, товарищ Коба. В-третьих – не хотелось бы, чтобы вопросы национализации частной

собственности решались огульным путем. Две трети капиталов в стране принадлежат иностранным подданным или банкам – как нам кажется, этой суммы будет вполне достаточно для старта в стране самых широких социальных преобразований. Кроме того, национализации можно подвергнуть предприятия, чьи собственники будут уличены в мошенничестве с государственными заказами, а в земельных делах национализировать можно будет поместья, находящиеся в залоге у Дворянского банка, и чьи владельцы никогда не находились на государственной службе. За тех, кто служит своей стране и служит верно, я считаю необходимым вступить со всевозможной решимостью.

– Мы согласны с тем, что в условиях революции сверху национализацию следует проводить крайне осторожно, – сказал Коба. – И в то же время понимаем, что обойтись без этого явления не получится. Обычно средства для осуществления модернизационных рывков извлекаются из крестьянской массы, но в условиях российской действительности извлекать из мужиков нечего, ибо две трети хозяйств едва сводят концы с концами. Поэтому необходимые стране средства взять можно только у крупных гешефтмахеров, знатных банкиров, зерноторговцев и скотопромышленников, владельцев шахт, домен и механических заводов, по большей части иностранноподданных. Более подробно я попрошу рассказать об этом товарища Кобру. В некоторых нюансах того, как правильно отнять и поделить несправедливо нажитое, она разбирается гораздо лучше меня.

– Начать, пожалуй, стоит даже не и иностранного капитала вообще, а с бывшей германской и австрийской собственности, – сказала Кобра. – Нашей финансовой службе хорошо известно, что когда ваш батюшка объявил секвестр принадлежащих германским подданным заводов, газет, пароходов, то оказалось, что все это уже с большим дисконтом выкуплено его же особо ушлыми подданными. Чтобы привести в чувство буржуазную публику, торгующую Родиной с той же ловкостью, что и хлопчатými тканями, необходимо объявить такие сделки ничтожными и секвестировать в казну все, что принадлежало подданным германской и австрийской короны, скажем так, на первое января четырнадцатого года. И никаких исключений. Господа Нобели, изрядно нажившиеся на этой операции, должны получить по рукам со страшной силой. И имейте в виду, что Франция и Британия нам не друзья, и даже не настоящие союзники, а всего лишь недружественные попутчики-конкуренты, только и ожидающие того момента, когда можно будет воткнуть нам нож в спину.

– Как я понимаю, – задумчиво произнесла Ольга, – именно поэтому Великий князь Серегин помогает русским и сербам и равнодушно смотрит на то, что происходит на Западном фронте?

– Да, – подтвердила Кобра, – германцы и австрийцы для нас – враги явные, а французы и англичане – враги тайные, уже запланировавшие расчленение России «за долги». Для явных врагов эта война должна закончиться мирными договорами, с территориальными утратами в пользу Сербии и Российской империи, а для тайных врагов нет никакого другого исхода, кроме полного разгрома, чтобы не было их больше нигде и никак. Подлость и вероломство должны караться по самой высшей ставке. И вот тогда – а это случится рано или поздно – дело обязательно дойдет до британской и французской собственности, которая завершит процесс консолидации крупных капиталов в руках у государства.

– Наш план, – сказал товарищ Коба, – заключается в том, чтобы государственная собственность существовала там, где это необходимо, а частная – там, где это уместно. Возможны смешанные форматы, когда какое-то предприятие находится частично в государственной, а частично в частной собственности, или в собственности трудового коллектива, как это бывает с кооперативами и артелями. При этом, независимо от формы собственности, все промышленные предприятия и государственные присутственные учреждения должны следовать кодексу законов о труде, который будет определять продолжительность рабочей недели в часах, количество выходных дней, ставки зарплат по трудовым разрядам, условия медицинского страхования на случай травм и смерти, правила техники безопасности и прочие условия коллективного или индивидуального договора, когда работник свой труд продает, а работодатель его покупает. Эти законы должны найти ту золотую середину, когда тот, кто продает свой труд, при условии добросовестной работы, не оставался бы в нищете и бедности и не чувствовал бы себя ущемленным. Например, сейчас за равный труд женщине платят гораздо меньше, чем мужчине, а это категорически неверно. И в то же время работодатель под давлением этих законов ни в коем случае не должен разоряться, ведь, помимо затрат на оплату труда, ему надо нести затраты на приобретения сырья и полуфабрикатов, платить налоги, приобретать и ремонтировать оборудование.

– Именно так, товарищ Коба, – сказал старший лейтенант Антонов, – права и обязанности работника и хозяина предприятия должны быть сбалансированы. Но необходимо сказать, что рабочий вопрос – это не бо́льшая, а меньшая часть

проблемы. Крестьяне составляют примерно восемьдесят пять процентов населения Российской империи, и, как вы уже говорили, две трети из них едва сводят концы с концами по причине хронической малоземельности и безлошадности. Господин Столыпин, сделав ставку на кулака, подложил под основание российской государственности мину огромной разрушительной силы. Крестьянство – обычно слой реакционный, прикованный своим интересом к земле крепче, чем стальными цепями, и, лишая беднейших его представителей возможности к продолжению дальнейшего существования, вы открываете дорогу грандиозной пугачевщине. Единственное место, где нет этой проблемы, так это к востоку от Урала. Там никогда не было помещичьего землевладения, а также, в силу низкой плотности населения, достаточно пахотных земель, но некоторые вроде как государственные деятели, независимо от их политического окраса, своими неумными решениями способны взбесить даже толстошкурого сибирского мужика. Об этом вы, наверное, тоже прочли в учебнике...

– Да, прочла и была шокирована изложенными фактами... – ответила Ольга, потом немного подумала и добавила: – Земельный вопрос крестьянского населения центральных губерний я считаю необходимым решать не столько путем передела немногочисленных пахотных земель к западу от Урала, сколько переселением мужиков на пустующие целинные земли Дальнего Востока, Сибири и Северного Туркестана. Это же нонсенс, господа, то есть товарищи, что в самой большой по площади державе планеты не хватает земель под пашню! При этом проблему малолешадности, а также недостатка у беднейшего крестьянства рабочего инвентаря мы предлагаем решить организацией конно-машинных станций, где за совсем небольшую плату в натуральной форме бедная часть крестьянского сословия сможет брать напрокат рабочих лошадей, плуги, сеялки и бороны, а также все прочее, что потребно для организации крестьянского труда. И еще мы намерены способствовать организации крестьянских артелей, объединяющих наделы своих участников в один массив, ибо каждая четвертая десятина, лежащая под межами, это слишком много для малоземельных центральных губерний.

Кобра, Коба, Сергей Антонов и Андрей Вержбовский переглянулись между собой.

– Мы думаем, – встав, сказал Коба за себя и прочих присутствующих на встрече большевиков, – что над сказанным здесь и сейчас предстоит еще работать и работать, уточняя детали и планируя предотвращение негативных нюансов, но такую работу не проделать за один час и даже за один день. Чтобы пройти

этот путь, будущей народной императрице понадобится прочитать еще множество ненаписанных в ее мире книг – как минимум половину этой библиотеки. Однако стоит заметить, что изложенные принципы вполне подходят для того, чтобы наша партия сняла со своих знамен лозунг ниспровержения Самодержавия и засунула его в бабушкин сундук. Быть может, до лучших времен, а быть может, и навсегда.

Великая княжна Ольга тоже встала и, набрав в грудь воздуха, заговорила:

– Мы, Ольга Николаевна Романова будущая Императрица Всероссийская, если на то будет Воля Божья, принимаем предложение сотрудничества со стороны члена Центрального комитета партии большевиков товарища Кобы, в другой реальности ставшего красным императором Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Кому-нибудь другому мы бы не поверили, но ему, воскресившему страну моих предков и поднявшему ее на недостижимую высоту, мы верим, и доверяем ему свою судьбу и судьбу своей страны. Иосиф, пожмете ли вы руку царской дочери, которая не свершила еще ничего великого, а только была полна надежд на то, чтобы быть полезной своей стране?

– Я еще не товарищ Сталин, – ответил тот, гася озорной блеск в глазах, – а только учусь, так что не надо говорить в мой адрес громких слов. Но руку, товарищ Ольга, я вам все же пожму – уж лучше честная царевна, чем некоторые наши товарищи, которые ведут себя хуже женщин легкого поведения. Аминь.

И вот в тот момент, когда руки товарища Кобы и старшей из цесаревен соединились над столом, меж ними проскочила невидимая молния, а за окном саданул оглушительный раскат грома.

– Что это было? – шепотом спросила Татьяна, обеспокоенно вертя головой, в то время как главные действующие лица застыли в историческом рукопожатии.

– Таким образом в этом месте Всемогущий Боже выражает свое одобрение случившимся событием, – так же вполголоса пояснила Анастасия. – Чем громче звук, тем сильнее одобрение. Теперь Всевышний, как говорится, знает твою сестру в лицо и постарается сделать так, чтобы она справилась с возложенной на нее ношей.

Полчаса спустя Ольга и Татьяна, имея при себе несколько новых книг и «портреты» Кобры, переполненные впечатлениями, которых хватило и без танцулек, отправились к себе, обратно в девичью опочивальню Александровского дворца, где их отсутствие так и не было обнаружено. Да и все прочие участники встречи тоже разошлись по своим квартирам, ибо ночь. Утром Кобе предстоит серьезный разговор с товарищем Лениным, а Ольге и Татьяне придется объясняться за свой партизанский визит в Тридесятое царство перед императором Николаем и Артанским князем Серегиним. Но это будет завтра, а сегодня – всем спать!

Шестьсот девяносто восьмой день в мире Содома. Утро. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Новость о внезапном ночном партизанском набеге на Тридесятое царство Великих княжон Ольги и Татьяны настигла меня во время завтрака, когда Коба (не путать с Сосо) на голубом глазу сообщил, что по основным пунктам он с будущей императрицей уже договорился. Сказать честно, я даже не знал, что ему ответить; спрашиваю энергооболочку «В чем дело?», а она молчит как рыба об лед. Я, конечно, не товарищ Бергман, но обстоятельства случившегося выяснил довольно быстро, тем более что главные действующие лица и не думали ничего скрывать.

– Папочка, – сказала Лилия, – ну разве ты не понимаешь – фигура младшего архангела, Бича Божия, с самого начала пугала скромную домашнюю девочку. Но я хоть и не Анна Сергеевна, но тоже кое-что могу. Сначала Ольга пережила знакомство со своим же младшим воплощением, потом она встретилась со мной, потом читала учебник истории из будущих времен, потом, уже попав в Тридесятое царство, встретилась с Анастасией, Коброй и милейшим Иосифом. Они тоже пугали будущую императрицу, каждый по-своему, но при каждой новой встрече стресс повышался понемногу, а поблизости находились люди, в чьей безусловной поддержке Ольга была уверена. В результате удалось свести позиции настолько, что осталось лишь произвести сварку и зашлифовку шва, так что никто не догадается, что эти двое когда-то не были единым целым.

И, привстав на цыпочки, Лилия прошептала мне несколько весьма неожиданных слов прямо на ухо. Да уж, интрига в стиле единства и борьбы противоположностей... Но почему бы и нет? Надо только позаботиться о том, чтобы Коба и Ольга могли сочетаться законным браком, а не блудили по углам, как Потемкин и Екатерина.

Итак, вариантов тут всего два. Или я делаю Кобу владетельным князем в какой-нибудь Тьмутаракани (на что он вряд ли согласится), или из российского монархического правосознания придется удалить такие понятия, как «равнородная особа» и «morganaticкий брак». И Рюриковичи, и первые Романовы прекрасно размножались без этих европейских заморочек. Кстати, в мире моей супруги император Михаил Второй отменил требование к равнородности супругов членов дома Романовых одновременно с вольностью дворянства и чертой оседлости для евреев. А вслед за ним тот же ход провернули и остальные европейские династии. И ничего – монархии в том мире живут и процветают, при том, что на продавщицах и спортсменках никто из принцев и принцесс тоже не женится. Родниться, вне зависимости от знатности, стараются с теми, кто принесет в семейную наследственность силу духа, живость ума и интеллект. В Кобе и первого, и второго, и третьего хоть отбавляй. Впрочем, с него самого сейчас снимает стружку товарищ Ленин, который вчера на месте событий в библиотеке отсутствовал, потому что хитрюга Лилия загнала его в релаксирующую ванну. Все-то у нее было продумано и предусмотрено, все рояли в кустах расставлены, все ходы и реакции просчитаны.

– Товагищ Коба, как вы могли быть настолько неосторожным, чтобы распушить хвост перед дочерью жестокого тирана, установившего в России режим страха и всеобщего доносительства? – возмущенной скороговоркой сыпал Ильич. – А если она вас обманула – прикинулась наивной девочкой, только для того, чтобы втереться к вам в доверие?

Впрочем, Коба не оставался в долгу.

– Во-первых, – сказал он, – там была товарищ Кобра. Вы, товарищ Ленин, ее прекрасно знаете. Происхождение у нее чисто пролетарское, политические взгляды – большевистские, характер – тяжелый, как каменная плита, и горячий, как расплавленный чугун. Но самое главное – товарищ Кобра ненавидит лжецов и своими магическими методами с легкостью отличает ложь от правды. Никакой обман в ее присутствии невозможен, потому что в результате обманщика сметут

в совочек и высыплют на клумбу в качестве удобрения. Во-вторых – товарищ Серегин прав. Чтобы взять власть в обозримой перспективе, классическим, так сказать, путем, у нас критически не хватает ни активных членов партии, ни сторонников из народа, которые поддержат наши действия. Такой сторонник, как будущая императрица, стоит очень дорогого. Я, например, пошел в революцию не для того, чтобы до основания разрушить нынешнюю Россию, а ее отдельные части отдать под власть иностранной оккупации. Совсем нет – я стал революционером, чтобы сделать людей из народа счастливыми, и, если предоставляется возможность, проделать это при минимальном сопротивлении правящей верхушки, я буду только за. Товарищ Ольга тоже хочет людям счастья, но только не знает, как этого добиться, и наш долг как большевиков – помочь ей выпутаться из тех противоречий, в которых заплутал император Николай Второй.

– А вы, батенька, кажется, поддались на старую сказку про хорошего царя и плохих бояр! – воскликнул Ильич, уперев руки в боки. – Но так не бывает! И царь, и его бояре всегда мазаны одним и тем же веществом, и это отнюдь не шоколад!

В воздухе запахло переходом на личности: Коба явно не намеревался прощать оскорбления в адрес предмета своего сердца и оставаться в долгу. Поэтому я вышел из состояния созерцательности и с некоторым рычанием в голосе сказал:

– Брэк, товарищи! Вас, товарищ Ленин, это особо касается. Если вы заглянете внутрь себя, то убедитесь, что к столь яростному спору с товарищем Кобой вас подталкивает та самая сущность, которая уже погубила одно ваше воплощение. Когда-то, почти тридцать лет назад, когда казнили вашего старшего брата, вы буквально продали свою душу ради возможности жестоко отомстить. Так вот – мести не будет, тем более людям, которые никоим образом, действием или бездействием не были причастны к трагедии вашего брата. Единственное, что может быть вам позволено, это зажигательный спич в момент перемены караула, с целью объяснения действующим лицам всей пагубности политики «подмораживания» и законов «о кухаркиных детях» – всего того, что в Основном Потоке привело Российскую империю на помойку истории, после чего вам с товарищем Кобой пришлось начинать все заново. Договорились?

– Договорились, товарищ Серегин! – смущенно пожал плечами Ильич. – Я, собственно, и сам не знаю, что на меня нашло...

– Я тоже не понимаю, что на меня тогда нашло, – сказал Коба. – Умом я понимал, что великая княжна большевику не товарищ, а ничего не мог с собой поделаться. Я видел, что она отчаянно боится нас, ужасных большевиков, которым достаточно ничего не делать, и история сама поднесет им на блюдечке с голубой каемочкой страну, заляпанную в крови по уши – но все равно преодолевает свой страх, чтобы попробовать с нами договориться, раз уж появилась такая возможность. Договориться в первую очередь ради страны, а уже потом ради своей семьи и себя самой... – Он перевел дух и, словив мой одобрителный кивок, продолжил: – В той, другой истории, которая так напугала младшее поколение Романовых, большевики не свергали Самодержавия, устанавливая Советскую республику. Нет, Российскую империю там разрушила крупная буржуазия, а там, где Советы все же образовались, контроль над ними захватили меньшевики и правые эсеры – эдакие коллективные Церетели, Зиновьевы и Черновы, которые тут же сделали все возможное, чтобы передать полноту власти буржуазному правительству. А теперь давайте посмотрим, способна ли российская буржуазия управлять государством. Да черта с два! Скорее свиньи по осени, построившись клином, полетят на юг, чем Рябушинские, Гучковы и Нобели превратятся в ответственных государственных деятелей. За двадцать лет своего правления господин Романов показал себя просто никудышным главой государства и таким же политиком, но прорвавшаяся к власти буржуазия всего за восемь месяцев умудрилась побить все его «рекорды». Но жажда власти у нее при этом была огромная. Эти люди были готовы даже на полуколониальное подчинение европейским державам, лишь бы тут, внутри России, никто не мешал им грабить простой народ.

– Вот тут вы, товарищ Коба, попали прямо в точку, – сказала Кобра. – У нас в девяностые было все то же самое. Наша новоявленная буржуазия, вылупившаяся, кстати, из осколков советского истеблишмента, хоть тушкой, хоть чучелком, стремилась попасть на вожделенный Запад на постоянное место жительства, туда же отправляла своих детей и, самое главное, прятала в западных банках свои капиталы. Правда, при этом, имея перед глазами удручающий пример своих предшественников из февраля семнадцатого года, нувориши конца двадцатого века старались не доводить до социального взрыва, который уничтожил бы их вместе со страной.

– Вот тут вы, товарищ Кобра, совершенно правы, – подтвердил Коба. – Природа буржуазии не зависит от века и вида социального перехода, во время которого она пытается захватить власть и укрепиться. И имя этой природе – алчность, точно такая же, какая правит странами Европы и Североамериканскими соединенными штатами. Именно алчность является причиной жестоких

кризисов, потрясающих весь мир, и кровопролитных мировых войн, алчность доводит до предела эксплуатацию колониальных стран, а это не только черная Африка и желтокожий Восток. С не меньшей яростью испанские колонизаторы терзали вполне европейскую Голландию, а британцы – Ирландию. В вашем мире, совершив социалистическую революцию, большевики вырвали обессиленную и дезориентированную Россию из окровавленных буржуазных лап, после чего для окончательного установления советской власти потребовалось еще три долгих года Гражданской войны. И ведь монархистов среди активных врагов революции было абсолютное меньшинство, по большей части их ряды состояли из сторонников диктатуры буржуазии, удерживающей власть исключительно путем грубого насилия. С их точки зрения, быдло, то есть трудящиеся, ничего другого не заслуживает. Но дело в том, что идея монархии зиждется на совсем иной базе, своего рода духовного единении самодержца и народа – а потому ее сторонники или отошли от борьбы, или присоединились к большевикам в качестве военспецов...

– Самую большую глупость нынешний император сморозил, когда назвал себя Хозяином земли Русской, – сказал я. – Тем самым он опустил себя до уровня примитивного диктатора, удерживающего власть исключительно с помощью грубого насилия.

– Да, – сказал Ильич, – мы знаем, что вы, товарищ Серегин, придерживаетесь прямо противоположной методики, объявив себя единым целым со своим войском. Да и вообще власть ли это, или уже сознательная дисциплина, когда ваши бойцы сами, по своей воле, делают то, что необходимо для интересов дела.

– Воинское единство – это страшная сила, – сказал я, – и сознательная дисциплина играет тут подавляющую роль. Когда я посылаю управляющие сигналы о необходимости занимать оборонительные позиции или переходить в атаку, я не вкладываю в них ни малейшей толики принуждения – так же, как я не принуждаю свою руку или ногу совершить то или иное движение. Однако власть и грубое принуждение в этой системе все же необходимы – но в отношении людей внешних, для которых сознательная дисциплина является пустым звуком. Именно такую систему, сочетающую в себе все три управляющих компонента, в нашем прошлом на основе большевистской партии и советской власти создал в России присутствующий здесь товарищ Коба. Я рассчитываю, что при нашей совместной помощи и при искреннем содействии Ольги Николаевны нечто подобное удастся выстроить и в обновленной Российской империи.

– Одна половина моего я, – хмыкнул Ильич, – криком кричит о том, что все мы здесь предаем идеалы марксизма и предаем забвению кровь, пролитую борцами за свободу на Дворцовой площади, а другая сознает, что все, что товарищ Серегин рассказал о качествах европейского пролетариата и тамошней социал-демократии, есть святая истинная правда. Имея стадо лягушек в качестве союзников, надеяться на Мировую революцию по меньшей мере наивно, а посему, с неизбежностью наступления зимы после осени, через четверть века, когда вырастет новое поколение, нас будет ждать следующая судорога мировой войны, перед которой все нынешние противоречия обострятся до крайности, а буржуазия будет готова на самые невероятные преступления, невиданные в цивилизованное время. Исходя из этого, с горизонтом планирования на тридцать-пятьдесят лет вперед, мы осознаем, что власть в Российской империи брать следует как можно скорее и как можно более аккуратно, чтобы не рушить то, что можно и нужно сохранить, и не тратить потом время на восстановление разрушенного. Все это понадобится нам в качестве фундамента, чтобы возвести на нем здание истинно социалистической экономической мощи, способной раздавить любого врага.

– Аминь! – сказал я. – Импровизированный митинг прекращается, план «Кентавр» вступает в фазу исполнения. Мисс Зул, будьте добры в течение часа привести товарища Кобу к внешнему виду, пригодному для переговоров на самом высшем уровне. Будем низводить и курощать императора Николая. Жаль, конечно, что Лилия не поставила меня в известность заранее, за что я делаю своей нареченной дочери небольшой устный выговор.

– Но, папочка! – обиженно воскликнула вечно юная богиня. – Если бы я заранее рассказала тебе свой план, ты бы не утерпел и обязательно бы пришел в библиотеку хоть одним глазком взглянуть на цесаревен. А они тогда к этому готовы еще не были, и твой визит все бы испортил. А сейчас уже можно: девочки пропитались нужными идеями, и теперь способны глядеть в лицо реальности без малейшего содрогания.

– Ладно, Лилия, – сменил я гнев на милость, – ты прощена, и устный выговор отменяется. Пожалуй, вместе с Коброй и Кобой составишь мне компанию во время визита в Царское село...

– Товагищ Серегин, – неожиданно подал голос Ильич, – а почему разговор с Николаем вы назвали операцией «Кентавр»? Нет ли в этом какого-нибудь тайного смысла?

– Конечно, тайный смысл есть, – с ехидством ответил я, – ибо еще никто прежде не пытался построить такой политический гибрид, где монархия и большевизм соединялись бы в соотношении пятьдесят на пятьдесят. Случай этот уникальный и неповторимый, ибо на вышестоящих уровнях реанимировать монархию будет уже поздно...

Сказал – и подумал о том, о чем предпочитал не думать все последнее время. В мире, который Небесный Отец отдаст мне в ленное владение где-нибудь в девяностых, ничего другого, кроме социалистической монархии, я строить не смогу и не захочу, ибо такова моя натура. А посему четырнадцатый год дан мне для того, чтобы я потренировался в этом тяжком деле в гораздо более простых условиях.

20 (7) августа 1914 года, позднее утро. Российская империя, Царское село, Александровский дворец, общая комната цесаревен Ольги и Татьяны.

Вернувшись в свою спальню, Ольга и Татьяна еще долго читали новые книги, беседовали и спорили, пока сон не сморил их окончательно. А проснувшись поутру, ближе к обеду, они обнаружили, что во дворце опять переполох. У императрицы Александры Федоровны от усиленного волнения снова отнялись ноги, и теперь ее в тележке-каталке возили две дюжие служанки. Татьяна, которая была очень близка с дорогой Мама?, собиралась было броситься ее утешать, мол, все будет хорошо, но Ольга ее удержала.

– Погоди, – сказала она, – если Мама? узнает, что мы без разрешения и сопровождения ее фрейлин, одни, лазили в Тридесятое царство и имели там многочисленные встречи с местными обитателями, с ней случится удар. Одно то, что я пожала руку Иосифу, вызовет самый большой скандал в нашей семье за все время ее существования. Так сильно никто из нас еще не грешил.

– А он красавчик, этот твой Иосиф, – вздохнула Татьяна, – не то что очкастый сербский принц Александр, за которого Мама? сватала меня полгода назад. Мне он совершенно не понравился, а потом выяснилось, что он замешан в Сараевском инциденте с покушением на эрцгерцога Франца-Фердинанда, и вот теперь нет его нигде и никак.

– Поговаривают, что ко всему этому приложил руку Артанский князь, – понизив голос, произнесла Ольга. – Когда выяснилось, что к происшествию в Сараево причастна организация «Черная рука», в руководство которой, в свою очередь, входил принц Александр, господин Серегин произвел внезапные ночные аресты всех действующих лиц, в том числе и младшего сына короля. Потом отдельные персонажи из этой организации, вплоть до ужасного господина Дмитриевича, то тут, то там стали появляться в сербской армии с приговором «условный расстрел».

– Как это – «условный расстрел»? – удивилась Татьяна.

– Обыкновенно, – пожала плечами Ольга, – всех этих людей отпустили до конца войны под честное слово, данное Артанскому князю. Тех, кто погибнет в бою, прославят как героев, а об их прегрешениях забудут, дела же тех, которые выживут, пересмотрят в сторону смягчения. Поскольку принца Александра не было среди освобожденных таким образом членов «Черной руки», значит, что его честное слово не стоит в глазах господина Серегина ровным счетом ничего.

– Да ну его, – махнула рукой Татьяна, – тогда, в январе, когда Мама? пыталась нас познакомить, он мне совершенно не показался – глист в очках, да и только. И взгляд такой нехороший... я даже подумала, что об него можно испачкаться – о взгляд, в смысле, а не о королевича Александра. Ты мне лучше скажи – ты и в самом деле собираешься сотрудничать с этими большевиками, когда Артанский князь по воле Божьей подсадит тебя на трон?

– А у меня есть выбор? – вопросом на вопрос ответила Ольга. – Тут ведь, как в русской сказке, три пути, и на двух из них гарантирован летальный исход. Если я продолжу линию Папа?, то исходя из того, что мы уже знаем, вся наша семья в итоге потеряет власть, а Бич Божий, незло выругавшись на глупую девчонку, примется приводить в исполнение запасной план по построению улучшенной версии большевистского государства. А что такое возможно, ты сама слышала от Кобры – почти все то, что мы запланировали, только без сохранения монархии. И даже наша семья в том мире осталась в живых, ибо люди, которые стояли за спиной у большевиков, не одобряли ненужных убийств. В таком случае проще пойти к господину Серегину и честно признаться, что я не хочу на трон. Самое старшее воплощение нашей сестры Анастасии уверено, что ничего мне в таком случае не будет, и я склонна с этим согласиться.

– Нет уж, – покачала головой Татьяна, – если вино налито, то его следует пить, а не то потом будешь всю жизнь корить себя за малодушие.

– В таком случае, – сказала Ольга, – я могла бы попробовать опереться на крупную буржуазию: зерноторговцев, скотопромышленников, банкиров, заводчиков и фабрикантов. Да только результат из этого может выйти даже еще хуже, чем при сохранении политики Папа?, потому что опора из наших буржуа такая же, как из кучи навоза. Предадут и продадут за весьма умеренные деньги, и это если не считать той дури, что сидит в буржуазных головах. Это они в том мире после так называемой февральской революции учинили в армии резню офицеров-монархистов и отменили полицию – не только политическую, но и обычных сыскарей, – а еще выпустили из тюрем сразу всех уголовников. Большевики, к тому же очищенные Артанским князем от разных нехороших людей, на этом фоне выглядят гораздо благоприятнее. Они организованы, знают, чего хотят, и за ними пойдут широкие народные массы. А для меня это важно, потому что я и в самом деле собираюсь последовать примеру Екатерины Великой и стать Матерью Отечества для всех своих подданных, а не только для аристократии и крупной буржуазии.

– У Екатерины не было выбора, – убежденно сказала Татьяна, – после смерти мужа она оказалась в чужой стране, и если бы хоть кто-нибудь усомнился в ее праве властвовать, то не сносить бы ей головы. Поэтому ей надо бы заручиться содействием мощнейшего на тот момент клана Орловых и стать даже более русской, чем иные русские от рождения.

– У меня, моя дорогая сестрица, тоже нет никакого выбора, – ответила Ольга. – Все мы сидим на источнике необузданной силы страшной мощи, которую по-настоящему не знаем, потому что чужие этой стране и ее народу – не плоть от его плоти и кровь от крови. Поведение нашего Папа? – тому нагляднейший пример. А ведь эта скрытая в глубинах мощь способна как разнести нас на мелкие кусочки, так и вознести на недостижимую высоту, прямо к звездам, где никто еще не был. Бегло прочитав о второй половине большевистской истории, я уверилась в этом даже больше, чем прежде.

– Так значит, – хмыкнула Татьяна, – ты уже твердо решила принять план господина Серегина сделать тебя следующей императрицей Всероссийской после самоустранения нашего Папа?? Только учти, что этот путь может оказаться и тяжелым, и кровавым. Папа? и Мама? в итоге смирятся с этим планом, ведь ты же их родная дочь, мы, твои сестры и брат Алексей поддержим

тебя изо всех сил, но, кроме нас, существуют люди, которые прямо сейчас извлекают прямую выгоду из неустойчивости Российской империи. И это не только наши отечественные буржуа-нувориши и дворцовые блюдолизы, но и иностранные державы, которые держат Россию за служанку на побегушках. Вот они будут в бешенстве от твоих попыток навести в нашей Богоспасаемой Державе порядок, и постараются свергнуть тебя всеми возможными способами.

– Об этом, если ты помнишь, мы давеча тоже говорили, – вздохнула Ольга. – Поскольку для господ британцев и французов не существует ничего, кроме их шкурных интересов, то и я буду относиться к ним так же. Когда по одну руку от меня будет стоять Господень Посланец господин Серегин, а по другую весь русский народ, то я смогу счесть себя непобедимой и неуязвимой.

– Народ? – переспросила Татьяна. – Ведь это же просто мужики в лаптях, с вилами и косами.

– Народ – это страшная сила, молчаливая и как будто незаметная, – убежденно произнесла Ольга. – Его преданность как воздух: ты его не замечаешь до тех пор, пока он не исчезнет, а тебе понадобится сделать следующий вдох. Если потребуется, я выйду к своему народу босая, чтобы и в минуты радости и в часы великих испытаний иметь право обращаться к нему «братья и сестры». Но сейчас говорить об этом преждевременно, потому что мы знаем только то, что почти ничего не знаем. Прежде чем строить какие-то детальные планы, надо еще не единожды побывать в Тридесятном царстве, но только уже официально, прочитать множество умных книг, побеседовать с самим Артанским князем и другими нужными людьми, о существовании которых мы пока даже не подозреваем... А посему нам надо посоветоваться...

С этими словами Ольга достала из кармашка платья «портрет» Кобры.

– Доброе утро, девушки! – весело сказала Кобра. – Вы уже встали, а значит, мы идем к вам. Шутка. В связи с учиненным вами вчера у нас переполохом Серегин решил немедленно принять приглашение вашего отца на переговоры. Делегация почти в сборе, так что будьте готовы и вы – форма одежды парадная, настроение боевое.

– А почему переполох? – спросила Татьяна. – Ведь мы совсем ничего не сделали, только кое с кем познакомились и немножечко поговорили.

– Ничего себе «немножечко поговорили», – хмыкнула Кобра, – когда твоя сестра и товарищ Коба пожали друг другу руки, то гроыхнуло так, что проснулись даже на Небесах. Теперь, стоит Ольге сказать «Да» – и на ее стороне выступит вся королевская рать. Кобе понравилось, что ты, боясь нас, большевиков, все же, преодолевая этот страх, пришла, чтобы договориться: в первую очередь – ради своей страны, во вторую – ради родных, и только в третью – ради себя самой.

– Передайте Иосифу, – сказала Ольга, – что я больше не боюсь его ни как человека, ни как революционера. Я и сама готова стать революционеркой – ровно в той мере, которая поможет укрепить, а не разрушить вверенную мне страну. А сейчас извините, Кобра, нам надо собираться, чтобы к тому моменту, как нас позовут, мы были бы уже готовы.

– Желаю успеха, девушки! Пока, до личной встречи! – произнесла Кобра и отключилась.

– Ну, вот и все, – вздохнула Ольга, когда изображение Кобры на «портрете» застыло неподвижно. – Теперь либо грудь в крестах, либо голова в кустах. И не Папа? и Мама? нам следует бояться, а преогромного количества «образованной публики», которая со страниц солидных газет и бульварных листков будет изо всех сил оплевывать нас ядом, а также наших «верных» слуг, готовых воткнуть нож в спину.

– Врагов у нас теперь будет больше, чем друзей, – подтвердила Татьяна, – да только нашими друзьями будут Артанский князь, боевые офицеры в действующей армии, Кобра, Лилия, Иосиф и ему подобные люди, а врагами станет та мелкая и омерзительная шушера, в другом мире учинившая Февральскую революцию. Тут надо сказать огромное «спасибо» Папа? – за то, что за двадцать лет своего правления заполонил Россию полчищами двуногих тараканов и мокриц, с которыми теперь надобно что-то делать, ибо так жить нельзя!

– Сделаем, обязательно сделаем, – улыбнулась Ольга, – дайте только срок.

20 (7) августа 1914 года, за час до полудня. Российская империя, Царское село, Александровский дворец, парадный кабинет царя Николая Второго.

Утром, зайдя в свой кабинет, император обнаружил там лист высококачественной писчей бумаги, на котором четким почерком большими буквами было написано: «Сегодня, здесь, в 11:00», и стояла подпись Артанского князя. Ну а кто еще мог прийти ниоткуда, чтобы оставить сию эпистола и бесследно исчезнуть?

И тут все забегали. В первую очередь потому, что от такого известия у императрицы Александры Федоровны разом отнялись ноги. Такое с ней было уже не первый раз, и сам по себе этот факт означал, что она любой ценой желает отменить предстоящее событие. Но отменить визит Бича Божьего не представлялось возможным, а посему для императрицы достали имеющуюся в запасе кресло-каталку, возить которую вызвался сам император, ибо допускать на первую встречу с Артанским князем даже самых преданных слуг он считал невероятной глупостью. Помимо царя и царицы, на этой встрече должна была присутствовать мать императора, и более никого. Никаких министров, генералов, и уж тем более ближней и дальней родни, в эти роковые минуты Николай иметь рядом не желал. Двум самым дорогим женщинам в своей жизни – матери и жене – он верил, несмотря на то, что они сами друг друга терпеть не могли, а все остальные, за исключением детей, были ему чужими.

Готовясь к визиту, император долго думал над исходной мизансценой. Если занять место за рабочим столом (в парадном кабинете) под портретом императора Александра Третьего, то возникает какое-то неприятное ощущение загнанности в угол, и к тому же там есть место только для одного человека, а потому жена и мать оказываются вытолкнутыми на обочину будущего действия. Тогда Николай решил сесть за круглый стол в середине парадного кабинета, за которым проводились совещания с небольшим количеством участников. Сам император сел в центре, лицом к входной двери, по правую руку от него на кресле-каталке расположилась нынешняя императрица Александра Федоровна (она же Алики), по левую руку – вдовствующая императрица Мария Федоровна, бывшая датская принцесса Дагмара. Взгляды царствующих особ буквально гипнотизировали стрелки часов, стоявших на книжном шкапу рядом с входом. Однако Артанский князь хоть и появился буквально секунда в секунду, но совсем не с той стороны, откуда его ожидали. Переходной портал открылся между камином и дверью в камердинерскую, так что первой увидела гостей Александра Федоровна.

– Ники! – предупреждающе воскликнула она.

Император резко повернулся влево, и первым делом увидел... себя. Еще один Николай Александрович Романов стоял по правую руку от мужчины в военной форме (который только и мог быть Артанским князем), сияя при этом той особой свежестью, которую дает избавляющий от всех телесных болячек хороший длительный отдых, без бытовых забот и нервных стрессов. Его держала за руку супруга – такая же стройная, розовая, свежая и хрустящая, как будто и не было пяти родов, Алиса Гессенская. Демоны оставили ее душу, и теперь там поселились покой и любовь к супругу. Правда, детей у Анны Сергеевны экс-императрица забирать тоже не торопится: сейчас у нее с мужем в самом разгаре конфетно-букетный период, и дочери, рожденные в прошлой жизни, ее немного тяготят.

Дополняла этот рекламный плакат почти полностью прошедшая курс омоложения, а потому выглядящая лет на тридцать (по меркам двадцать первого века) Мария Федоровна из тысяча девятьсот пятого года. Такой свою мать Николай запомнил в раннем детстве. Узнала себя и резко развернувшись на стуле здешняя государыня Мария Федоровна, которой через три месяца аккуратно должно было исполниться шестьдесят семь (соответственно, десять лет назад ей было пятьдесят семь). Но эта, такая вызывающая молодость ее альтер-эго, действовала на мать императора как удар под дых. И на Николая тоже. Император понял, что, не сказав и полслова, Артанский князь до предела конкретно обозначил свои позиции: «ведите себя прилично, и будет вам то, чего не купить ни за какие деньги – вторая молодость и идеальное здоровье».

А вот и сам Артанский князь Серегин, и на его гладковыбритом лице застыла жесткая усмешка человека, привыкшего самому водить в битву полки кованой рати. Дополняют образ прямой меч в потертых ножнах и чуть притушенное архангельское сияние над головой. Николай не знает, что это приглушенное свечение означает, что в настоящий момент Серегин сдерживает себя усилием воли, а иначе летали бы тут уже клочки по закоулочкам за многие грехи правящей фамилии. Но воля у Серегина сильная, а потому царская семья в безопасности.

Рядом с Серегиним – полусвященник-полувоенный, отличающийся от Артанского князя отсутствием оружия, коротко остриженной бородой с проседью и массивным наперсным крестом из чистого серебра. Из рассказов принцесс-черногорок императорская чета знает, что это отец Александр, доверенный священник при Артанском князе, а также глаза, уши и голос Господа в этом грешном мире. В глазах у священника плещется беспощадная синь заоблачных

небес, а над головой теплится такое же жемчужное сияние, как и у Артанского князя, что означает, что Всемогущий Творец смотрит сейчас на всероссийского императора глазами своего аватара. Правда, ничего особо ужасного Николаю Александровичу этот взгляд не сулит, ведь своего самого страшного греха правящий император пока не совершил.

По левую руку от священника стоит женщина-брюнетка в полной военной форме – молодая, рослая, полногрудая, чем-то напоминавшая Николаю давней памяти Матильду Кшесинскую. Но только если Малечка была фарфоровой куклой, то это – пантера со стальными мускулами и взрывным огненным характером, которому под стать висящий на бедре в ножнах ятаган-махайра. Над головой дамы-воительницы тоже теплится сияние, но не жемчужно-белое, а багрово-алое. В этой особе Николай сразу узнал госпожу Кобру, чья сущность полностью противоположна Артанскому князю, и в то же время составляет с ним единое целое, как Инь и Янь. Император Николай пока не знает, что если эти двое одновременно обнажат свои мечи, на свободу вырвется такая мощь, которая с легкостью уничтожит и дворец, и окрестности вместе со всеми людьми. Но, к его счастью, настолько он еще не нагрешил.

Дальше за женщиной-воином – девочка в древнегреческих одеждах, по возрасту где-то посреди между Алексеем и Анастасией. Но сияющий над ее головой небольшой нимбик христианской святой говорит о том, что это не просто девочка-подросток, а Святая Лилия-целительница, о которой любезной Алики протрещали все уши принцессы-черногорки. Мол, для этой особы нет ничего невозможного в медицине: если человек еще не умер, она исцелит его от любого ранения или болезни. Уже несколько раз императрица порывалась сграбастать больного сына в охапку и мчаться в Белград через Одессу, Варну и Софию, чтобы там найти путь в сказочное Тридесятое царство и припасть к ногам той, что сможет спасти ему жизнь, а не только принести временное облегчение, как Григорий Распутин. И вот теперь маленькая целительница вместе с Артанским князем сама пришла к ним во дворец. Императрица готова отдать все, упасть на колени и целовать пол под ногами чудотворницы – лишь бы ее ненаглядный сыночек был здоров.

Рядом с девочкой-целительницей стоит молодой мужчина кавказской наружности, образ которого составляют хорошо пошитый светлый костюм (производства швейных мастерских под руководством мисс Зул), узкий галстук, мягкая шляпа и острые черные усики. Он единственный из все присутствующих не поддается опознанию с первого взгляда, поэтому император мысленно назвал

его «горцем». При этом несомненно, что господин Серегин взял его с собой с какой-то пока непонятной целью, ибо случайных людей в этой компании быть не может. Горец внимательно смотрит на императора, плотно сжав губы, и, несмотря на то, что это вроде бы самый малозначающий член команды Артанского князя, Николая вдруг пробивает холодный пот. Так же ощущает себя преступник, когда видит судью, который вот-вот вынесет ему суровый приговор. А может, это только наваждение, и этот молодой человек пришел сюда совсем по другой причине?

Эта немая сцена продолжается секунд двадцать или даже меньше, но для присутствующих Романовых они показались вечностью. Прервал тишину Артанский князь, полностью насладившись сложившейся мизансценой.

– Ну что, Ваше императорское Величество... – четким голосом полководца сказал он, включив архангельские атрибуты на половину всей мощности. – Вы хотели переговоров – вот, мы пришли к вам от имени и по поручению Творца Всего Сущего. Но сначала, Отче, скажите свое веское слово.

– Покайтесь, дети мои! – гроыхающим басом произнес священник, воздев кверху свой наперстный крест. – Ибо пришло страшное время, после которого ничего уже не будет таким, как прежде! Время, когда вам можно было жить, не ведая горестей и забот своей страны, безвозвратно ушло, а то, что грядет на горизонте, будет страшным. Держава, шестьсот лет шаг за шагом поднимавшаяся из пепелищ Батыева нашествия, рухнет в прах. Брат восстанет на брата и сын на отца. Кровь людская потечет по земле, будто талая вода по весне. Погибнут миллионы, немногие умрут от пули и ножа, в том числе и твоя семья, а многие – от голода, холода и болезней. И виновен в этом будешь ты, Николай, сын Александра, правивший, будучи глухим к нуждам своего народа, к стенаниям тех, кто умирал от голода (что ты велел называть недородом), к слезам терпящих нужду вдов и сирот! Назвав себя Хозяином Земли Русской, ты совершил ужасное святотатство и нарушение канонов, ибо испокон веков царь был русскому народу – батюшкой, а царица – матушкой, и на том стояла и стоит богоспасаемая русская земля. А теперь, ради вразумления и просветления блуждающих во тьме, прочтем святую молитву: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь!»

Пока Отец Александр произносил свою богодухновенную речь (его патрон лишь поглядывал на происходящее вполглаза, пребывая в уверенности, что исход действия заранее предreshен) господа Романовы сами не заметили, как сползли со стульев и оказались стоящими на коленях, благо пол в кабинете устилал пышный персидский ковер. Александра Федоровна рыдала и поминутно крестилась, ибо мнилось ей, что болезнь ее сыночка – наказание за озвученные прегрешения, Николай стоял молча, сжав губы и широко раскрыв глаза. Кого он видел в этот момент перед собой, Бог весть – быть может, разгневанного до невозможности Папа?, отчитывающего старшего отпрыска за очередную проказу. А ведь Николай Александрович с самого детства рос весьма непутевым шалопаем. Путевый цесаревич не пошел бы в пьяном виде колотить тросточкой по священным колоколам в синтоистском храме, и, следовательно, избежал бы удара саблей японского полицейского по голове.

Лишь вдовствующая императрица была в основном спокойна, ибо после смерти супруга посвятила себя благотворительности. И хоть собираемые ею деньги были каплей в море захлестнувшей Россию нищеты, успокоение душе госпожи Дагмары они гарантировали. Но в тот момент, когда священник начал читать святую молитву и царский кабинет стало затоплять жемчужно-белое сияние, даже ее захватило чувство, что жизнь ее мелочна и суетна, и что самые главные возможности увековечить себя, делая людям добро, она безнадежно упустила.

Отзвучали последние слова молитвы, и после слова «Аминь» сияние постепенно истаяло, как туман под лучами утреннего солнца.

– Встаньте и слушайте внимательно, – сказал священник, когда кающиеся грешники закончили креститься. – Артанский князь Серегин послан к вам перед последним историческим поворотом, за которым разверзается бездонная пропасть. Не нужно ему тут ни удела, ни какого личного интереса, а только лишь избавление России от ожидающих ее страданий. И тот, кто не внимлет ему – будет сам виноват в своих несчастьях, ибо терпение Небес тоже не безгранично. Аминь!

– По правую руку от меня стоит предыдущая инкарнация вашей семьи, – сказал Артанский князь. – Эти ваши воплощения пошли со мной на сотрудничество, дали мне увести их с гибельного пути и получили для себя лучшую жизнь. Никто из них не нуждается в представлении, каждый из вас узнал среди них себя.

– Да, – подтвердил Николай Романов из 1905 года, – так и есть. Господин Серегин обменял меня на троне с братцем Мишкиным после победоносной для русского воинства Второй битвы на реке Шахэ и полного разгрома японской Маньчжурской армии. Да я, собственно, к тому моменту был рад такой возможности, ибо оказаться в том будущем, в которое можно попасть своим ходом, без всякой посторонней помощи, у меня не было никакого желания, поэтому я согласился на предложенную Сергеем Сергеевичем операцию рокировки с подстраховкой.

– Но, Ники... – ошарашенно произнесла Александра Федоровна из 1914 года, – ведь Мишкин такой непрактичный, словно ребенок – ну какой из него мог получиться император?

– Видела бы ты, сестра, – ответила Александра Федоровна из 1905 года, – какое чудовище вылупилось из маленького Мишкина после того, как помощники Сергея Сергеевича сняли опутывающие того враждебные заклинания. Ну вылитый Петр Великий, только тот лупил своих бояр тростью, а Михаил Второй применяет для мануального внушения исключительно собственные кулаки. И все у него хорошо – армия, которую он привел к победе, готова носить его на руках, оппозиция запугана до икоты, простой народ от нового царя в восторге, а вокруг трона железной стеной сомкнулись патриоты и бессребреники.

– Я, конечно, был бы рад соскочить с этой бешеной карусели, – вздохнул Николай Романов из 1914 года – но, к сожалению, нынешний Мишкин после его женитьбы на дважды разведенной особе неравнородного происхождения стал совершенно непригоден к занятию трона, а потому не может рассматриваться в качестве моего преемника, даже в качестве регента при малолетнем императоре Алексее.

– На самом деле, – сказал Серегин, – скандальная женитьба вашего брата – это не причина его непригодности к занятию трона, а следствие. Но разговаривать об этом, стоя на ногах, мы считаем несколько неприличным, а потому...

Бич Божий щелкнул пальцами, и из раскрывшейся дыры в пространстве появились плечистые, до зубов вооруженные остроухие, таща массивные стулья гнутого дерева по числу участников делегации Артанского князя. Расставив стулья, они с высоко поднятыми головами покинули царский кабинет, а из дыры вышли двое юношей и встали за стулом господина Серегина. И только присмотревшись, сначала императрица, а потом и все прочие Романовы поняли, что темноволосый парень по левую руку от Серегина – на самом деле коротко

стриженная эмансипированная девица, похожая на уменьшенную копию присутствующей тут же женщины-воительницы.

– Итак, – сказал Серегин, – присаживайтесь туда, где вы сидели до нашего появления, и начнем разговор как культурные и уважающие друг друга люди. Однако при этом следует помнить, что различных мнений может быть великое множество, но правильный ответ в конце задачника только один. И нам этот ответ известен, а вот вам – нет.

– Так значит, господин Серегин, вы не будете прямо сейчас свергать Нас с трона или совершать что-то подобное? – спросил император Николай, усаживаясь на свой стул.

– Разумеется, нет, – ответил Артанский князь, – меня прислали сюда предотвратить назревающую Смуту, а не разжигать ее пламя до небес. И в то же время стоит заметить, что продолжение вашего царствования прямо противоречит выполнению поставленной передо мной задачи. Даже если предположить, что я возьмусь с вами нянчиться неопределенное количество лет, однажды вы взбрыкнете, и дело кончится плохо.

– Господин Серегин! – воскликнула действующая императрица Александра Федоровна. – Вы противоречите сами себе... То вы говорите, что не собираетесь свергать моего мужа, то утверждаете, что продолжение его царствования для вас неприемлемо...

– Это противоречие мнимое! – категорично заявил Артанский князь. – Ни о каком свержении и речи быть не может, потому что ваш муж Николай Александрович Романов совершенно добровольно и без малейшего принуждения передаст власть вашей общей старшей дочери Ольге Николаевне Романовой...

Александра Федоровна хотела было еще что-то сказать, но муж бросил в ее сторону такой тяжелый взгляд, что слова застряли у нее в глотке: мол, у брата-близнеца жена сидит, молчит и всем довольна, и ты такая же будешь. Убедившись, что супруга, которую он изначально стремился держать поближе к спальне и подальше от политики (да только в том не преуспел), не будет вмешиваться в разговор своими глупыми замечаниями, император Николай вновь обратил свой взгляд к Артанскому князю.

– Скажите, Сергей Сергеевич, – сказал он, – а почему Ольга, а не Алексей? Только потому, что мой сын болен этой страшной болезнью и ему мало лет?

– Малолетство и болезнь тут ни при чем, – ответил Артанский князь. – Малолетство решается назначением правильного регента-воспитателя, а болезнь будет не в силах устоять перед медицинским искусством моей приемной дочери Лилии-целительницы. – Означенная особа встала со своего стула и сделала книксен, чем заработала одобрительный взгляд вдовствующей императрицы. – Даю вам честное слово Защитника Земли Русской, что, как бы ни повернулись наши взаимоотношения, ваш сын будет полностью избавлен от последствий одолевающего его недуга, и ему, как и прочим членам семьи, будет обеспечена полная личная безопасность. Мелкое мстничество и групповая ответственность не в моем стиле, а потому, если вы с супругой что-то накосячите, то отвечать за содеянное придется только вам самим, и никому более. Дети ваши, а также прочая родня, даже при самом неблагоприятном стечении обстоятельств останутся в полной безопасности. Это я вам гарантирую и как младший архангел, и как русский офицер.

Раскат отдаленного грома скрепил клятву, а император Николай, вздохнув, сказал:

– Нам уже известно, что вы не произносите всуе ни одного слова, поэтому я принимаю ваше обещание так, как будто оно прозвучало из уст самого Господа. А теперь будьте добры, поясните, почему вы не хотите, чтобы мне наследовал Алексей, раз уж ни его возраст, ни болезнь не являются тому препятствием?

– Дело в том, – сказал Артанский князь, – что у нас в команде имеется надежный эксперт по вашему семейству, чуть позже я вас с ней познакомлю. По заключению этой женщины, которому я доверяю, ваш сын обременен всеми теми недостатками, делающими его непригодным к занятию престола, что и вы сами. Двадцатый век – время ужасных войн и великих социальных потрясений, а посему государственный штурвал стоит вручать людям, способным стойко удерживать выбранный курс, невзирая на внешние обстоятельства и крики советчиков. Именно ваша дочь Ольга сможет выслушать всех, но без малейших колебаний сделает ровно так, как требуется для пользы дела, поэтому именно ее стоит делать императрицей, а не Алексея.

Александра Федоровна опять хотела возразить (ибо главным любимцем ее сердца оставался вымоленный у Бога и выстраданный сын), но Лилия щелкнула

пальцами – и Алиса Гессенская застыла неподвижно, будто окаменела.

– Вот так-то лучше... – пробормотала маленькая целительница и, обращаясь к императору Николаю, добавила: – Вашу супругу, уважаемый Николай Александрович, предстоит долго лечить – и душевно, и соматически. Ее душу отягощают многочисленные демоны, от которых ее надо как можно скорее избавить. Одних она привезла с собой из Гессена, другими обзавелась уже в России, в вашей вечно склочничающей и скандалящей семейке, третьих ей подарил страх за жизнь сына, но главный демон – тот, который требует, чтобы ее долгожданный и такой любимый сын сел на трон, что составляет главную цель ее жизни. Лечить, лечить и лечить – и результат будет выше всяких похвал, в чем вы можете убедиться, если посмотрите на сидящую прямо напротив супругу вашего альтер-эго. Да и вам со временем тоже следовало бы отдохнуть от государственных забот и развеяться, а то вид у вашего Величества такой, что краше в гроб кладут.

– Да, действительно, что-то я устал... – Император провел ладонью по неожиданно вспотевшему лбу. – Давайте позовем сюда Ольгу и сообщим ей «радостную» новость о том, что спустя некоторое время она должна взвалить на свои плечи невероятный груз управления Российской Империей. Сейчас я вызову слуг и распоряжусь...

– Не надо слуг, потому что некоторым образом мы с вашими старшими дочерьми уже знакомы, – усмехнулась Кобра, доставая из нагрудного кармана «портрет»

Ольги. – Девочки, ваш Папа? ждет вас в своем новом кабинете, форма одежды – парадная, настроение боевое.

– Девочки? – удивленно переспросил император, когда Кобра разорвала связь.

– Ольга и Татьяна составляют устойчивую дополняющую друг друга пару, поэтому и разговаривать с ними необходимо как с двуединым целым, – вместо Кобры ответила Лилия. – Императрицей, несомненно, будет Ольга, но и Татьяна приложит все возможные усилия к тому, чтобы помочь сестре справиться со своими императорскими обязанностями. Но, тихо – они уже идут.

Татьяне и Ольге, чтобы попасть из своей комнаты в новый кабинет императора, надо было пройти по коридору через все крыло до конца, в проходной повернуть

мимо буфета налево, спуститься по лестнице со второго этажа на первый, через вестибюль Собственного Подъезда пройти в коридор, разделяющий покои Императора и Императрицы, и снова пройти все крыло насквозь. С учетом всех изгибов и поворотов пути – расстояние чуть больше ста метров; время движения для легконогих, восторженных девиц, делающих над собой усилие, чтобы не бежать – около полутора минут.

В дверь постучали два раза, и раздался голос Ольги:

– Папа?, ты нас звал?

– Да, входите! – неожиданно охрипшим голосом произнес император Николай.

Шагнув за порог, цесаревны сразу же срисовали мизансцену, однако не повели и бровью.

– Здравствуйте, Папа? и Мама?, – сказала Ольга, потупив взор, – здравствуй, Анмама?[5 - АнМама? – бабушка.], здравствуйте, господин Серегин и госпожа Кобра, а также Лилия и Иосиф.

Произнося последнее имя, Ольга чуть заметно покраснела, Коба улыбнулся, а Николай Второй удивился, что его дочь знает Горца по имени. И имя-то какое – библейское! Мария Федоровна тоже заметила мгновенный перестрел глазами и сделала свои выводы.

– Как я понимаю, девочки, – строгим менторским тоном сказала она, – вы с этими господами где-то уже встречались без нашего ведома?

– Да, встречались, – довольно дерзко ответила Татьяна, – и не где-то, а прямо в Тридесятом царстве. Видели там фонтан Живой Воды и девок-амазонок, а потом посетили библиотеку и пили из тамошнего источника мед мудрости. Поскольку усов у нас нет, то все попало туда, куда надо. Хотели еще посетить танцульки, но за разговором с умными людьми время пролетело быстро, и мы решили отложить увеселения на следующий раз. Разговор, надо сказать, того стоил.

Император, несколько обескураженный тем, что дочери обскакали его на два корпуса, и знают то, что ему пока неизвестно, прокашлялся и сказал:

– Мы, собственно, решили принять условие присутствующего тут Артанского князя и против всех правил передать престол своей старшей дочери Ольге. Оправдание у Нас при этом только одно – так хочет Бог! А Его воле на небесах и на земле не смеют противиться ни смертные, ни бессмертные. Теперь дело за малым – узнать, согласна ли моя юная дочь приняться за тяжкий монарший труд, добровольно взвалив на себя груз, который сродни с ношей Атланта.

– Конечно, Папа?, я согласна, – выступив вперед, сказала Ольга. – Даже не зная всех подробностей, на одних предчувствиях, ты принял очень хорошее, правильное решение. Нас всех ждут ужасающие испытания, и чтобы их преодолеть с честью, нужен человек совсем другого психического склада, чем у тебя. Господин Серегин как раз и прибыл для того, чтобы обратить катастрофу России в ее невероятный триумф. Но он способен только начать дело, расставив по местам правильные фигуры и завязав схватку авангардов, а выиграть основное сражение мы должны сами, ибо, в противном случае, чем мы будем лучше допотопных людей, которые не пахали, не сеяли, а требовали урожая...

– А какие такие ужасные испытания ждут Россию, чтобы для отпора им надо было переменять правление, да еще таким диким способом? – спросила вдовствующая императрица, одним глазом кося на свое омоложенное второе Я.

В ответ Ольга процитировала первые строфы пророческого стихотворения Лермонтова:

– «Настанет год, России черный год,

Когда царей корона упадет.

Забудет чернь к ним прежнюю любовь,

И пища многих будет смерть и кровь.

Когда детей, когда невинных жен

Низвергнутый не защитит закон»...

– До страшного года, – добавила она от себя, – по календарю осталось чуть более двух лет. И тогда вам с тетей Ольгой придется бежать из России, а мы все умрем. Но катастрофа может и не случиться, если мы приложим к тому все возможные усилия. Господин Серегин считает, что я совсем по-другому понимаю людей, чем Папа?, а потому смогу справиться с этой работой, а он нет. О прочем пока рано говорить, потому что мне многому еще нужно научиться и многое понять.

– Да, – сказал Артанский князь, – «научиться» и «понять» – главные слова в этой истории, а посему, Ваше императорское Величество, не будете ли вы так любезны еще немного побыть на боевом посту, пока ваша старшая дочь учится быть хорошей императрицей и входит в курс дела?

– На боевом посту я побыть пока согласен, – кивнул Николай, – только, надеюсь, это не затянется надолго... Вы уже поманили меня свободой, и теперь я рвусь к ней как птица из клетки.

– Со своей стороны я гарантирую вам всю возможную поддержку на фронтах и в домашних делах, – добавил Артанский князь. – В первую очередь тем, что здоровьем вашего сына и супруги начнут заниматься НЕМЕДЛЕННО. Татьяна, не будешь ли ты так любезна сходить за своим братом? Только, прошу тебя, никакой спешки и суеты. Все должно быть сделано медленно и печально, потому что никто из нас не хочет, чтобы в самый канун спасения Алексей нечаянно споткнулся и получил травму.

– Магическое лечение не мгновенно, чего бы там ни болтали досужие языки, – пояснила Лилия, когда Татьяна удалилась, – а качественное лечение тем более. Понадобится около месяца для того, чтобы ваш сын позабыл обо всех былых ограничениях и смог жить жизнью обыкновенного ребенка: бегать, прыгать, играть в футбол и фехтовать ивовыми прутьями. А может, и не только ими, ибо у нас в Тридесятном царстве лучшие инструкторы по военно-спортивной подготовке.

– В таком случае, господин Серегин, – хмыкнул Николай, – под ответственность Ольги возьмите с собой и Марию с Анастасией. Девочки наслушались рассказов о волшебном Тридесятном царстве, и если сейчас Ольга с Татьяной уйдут, а они останутся, то со стороны младших дочерей не будет мне потом прощения... – Николай посмотрел на старшую дочь и добавил: – А тебе, моя юная будущая императрица, урок. Хочешь взять на себя ответственность за всю страну – начни

со своих младших сестер.

– И это тоже верно, а посему – договорились, – сказал Артанский князь, и за окнами дворца сданул раскат грома. – Кобра, внеси изменение в диспозицию Татьяне, чтобы потом два раза не ходить. Еще я, пожалуй, заберу с собой вашу Маман – поправить здоровье, пообщаться со вторым Я, если будет желание, получить вторую молодость. Еще неизвестно, где может пригодиться властолюбивая, и в то же самое время умная правительница.

Напряженное ожидание на лице вдовствующей императрицы тут же сменилось гримасой облегчения и даже радости. Не помогла даже знаменитая выдержка принцессы Дагмары. Правда, вслух она такому догадливому Артанскому князю ничего не сказала, поблагодарила взглядом. Ее молодость давно ушла, а вслед за ней так же утекли средние года. В шестьдесят семь лет многие уже готовятся укладываться под дерновое одеяло, а вот ей выпал шанс зайти еще на один жизненный круг, и этой возможности она, разумеется, не упустит. Встав, она не спеша перешла на сторону Артанской делегации, в то время как появившаяся из раскрывшегося портала бойцовая остроухая при заброшенном за спину двуручном мече взяла кресло-каталку с Александрой Федоровной и легко, двумя пальцами, покатила ее следом за вдовствующей императрицей.

И вот явились последние действующие лица: Мария, Анастасия, Алексей в матросском костюмчике и дядька Алексея боцман Деревенько. При этом цесаревич был такой конфетно-румяный, как кукла Кена в натуральную величину в те времена, когда его было еще не модно делать ни негром, ни трансвеститом.

– Итак, дети мои, – сказал император, – вы все отправляетесь в Тридесятое Царство в гости к господину Серегину. Ольга с Татьяной побывали там в тайне от всех, и, как видите, они живы и здоровы. Алексея Мы отправляем для лечения, а всех остальных – для улучшения образования. Вы, господин Деревенько, будете во всем помогать Ольге и выполнять все заведенные в Тридесятом царстве правила, ибо в чужой монастырь со своим уставом не ходят. На время вашего пребывания в гостях самым главным воинским начальником для вас будет господин Серегин, самовластный князь Артанский, для которого Бич Божий – это не прозвище, а должность. Ну а также, пожалуй, госпожа Кобра. Не смотрите, что вы почти в одном звании – титул этой особы, говорят, можно приравнять к графскому, а ее огневой мощи позавидует любой дредноут. Как нам докладывали, дракон ей на один зуб, да так, что остается

только вонючий дым. Так что, если она вам что-то скажет, исполняйте немедленно.

– А вы можете, Ваше Величество, если захотите, – улыбнулась Кобра.

– Да, могу, – пожав плечами, вполголоса ответил Николай, так, чтобы не слышали младшие дети, – только последовательности не хватает, а потому придуманная господином Серегиным комбинация с воцарением Ольги – наилучший выход из положения.

Шестьсот девяносто девятый день в мире Содома. Утро. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Переговоры с царем Николаем прошли успешно, но добавили нам суеты. Особая история получилась со вторым воплощением вдовствующей императрицы. Оставлять ее в местном Петербурге нельзя было ни в коем случае, ибо после перемены царствования она тут же принялась бы есть мозг своей внучке. А от такого и люди с более крепкой психической организацией, бывало, лезли на потолок. На мой весьма искушенный в таких делах взгляд, принцессе Дагмаре по жизни просто нечего делать, ибо управление благотворительными учреждениями занимало ее в наименьшей степени. Ей было нечего делать даже тогда, когда был жив Александр Третий, ибо роль парадного украшения при супруге была ей скучна. Кстати, о благотворительности. Когда в силу царящей в народе нищеты в материальном вспомоществовании нуждается две трети населения, а не три-пять процентов (при этом цифры младенческой и детской смертности приводят меня в священную ярость), то благотворительность начинает выглядеть как унижительная подачка.

– Море нищеты не вычерпать благотворительным ведром, – сказал я вдовствующей императрице. – В такой ситуации, сколько добра ни сделай, все будет мало. Впрочем, я с вами хотел говорить совсем о другом. Скажите, Дагмара, каких отступных, помимо второй молодости и ослепительной красоты, вы хотите для того, чтобы навсегда оставить родной мир? Только сразу предупреждаю, что никаких свободных владений, как для вашей, гм, сестры у меня в настоящий момент не имеется. Хотя кто его знает: сегодня их нет,

а завтра вдруг появятся.

– Так значит, вторая молодость и красота не обсуждаются? – с интересом спросила меня собеседница.

– Да, – ответил я. – Ваше вдовствующее величество – персонаж в истории России положительный, а я такими людьми разбрасываться не привык. За свою жизнь вы накопили изрядное количество пунктов положительной кармы, и я готов конвертировать их для вас в означенные дары молодости и красоты. Или, быть может, желаете получить свое серебряными монетами?

– Нет уж, – хрипло рассмеялась госпожа Дагмара, – спасибо, Сергей Сергеевич, не надо. Ваше первоначальное предложение нравится мне гораздо больше. Только скажите, эти гипотетические свободные владения – они где могут образоваться, в прошлом или в будущем?

– Скорее всего, в будущем, – сказал я, – примерно в последнем десятилетии двадцатого века. В прошлом я веду боевые действия, громлю и низвергаю только в том случае, если кто-то, утративший ощущение реальности, решит вдруг повоевать с Бичом Божьим или с теми, кого он взялся защищать. Вот тогда я возвращаюсь к уже пройденному материалу и устраняю недоделки, как это было с Константинополем семнадцатого века, где в самом ближайшем будущем на трон взойдет ваше альтер-эго. Но едва ли вы захотите править монгольской державой чингизидов периода ее распада или западным тюркотским каганатом.

– В этом вы совершенно правы, – усмехнулась она. – Я готова ждать сколько потребуется, и при этом учиться у вас всему, что необходимо, ибо уже слышала, что в будущие времена все будет совсем не так, как у нас.

– Это правда только отчасти, – усмехнулся я в ответ, – люди, например, совершенно не поумнели, ибо технический прогресс способствовал прямо противоположному процессу. А может, дело в том, что после двух жестоких мировых войн умные да смелые головы сложили в поле, и к двадцать первому веку основную часть европейских обитателей составляют те люди, на которых глаза бы мои не глядели.

– И в России тоже? – спросила госпожа Дагмара.

– В России это явление охватило только столицу, более других городов нахлебавшуюся европейского духа, будь он неладен, – ответил я. – Но и в ваши времена происходит все то же самое: Санкт-Петербург оторвался от российской глубинки, своей поилицы и кормилицы, и, пока та бедствует, столица, кроме рабочих окраин, пребывает в сытом самодовольстве.

Сведения об этом у меня были самые точные. Сражения под Танненбергом и Бишофсбургом дали в наш госпиталь поток местных раненых, ставших объектом приложения интереса со стороны товарищей большевиков, до того державшихся от крестьянства на приличном отдалении. Моя энергооболочка тоже собирала с этого потока данные: во-первых – чтобы самому понять, что делать с этим миром, вплотную подошедшим к порогу первой из двух величайших геополитических катастроф, и во-вторых – для передачи данных в мир царя Михаила, чтобы там не вздумали купиться на что-то подобное Столыпинским реформам. Развиватели капитализма в русской деревне думали об увеличении потока товарного зерна на экспорт, а не о том, что подавляющая часть крестьянства, дисквалифицированная в сельский люмпен-пролетариат, в недалеком будущем станет отрывать высокоумные интеллигентные головы и насаживать их на штыки.

В первую очередь в крестьянский вопрос я тычу носом товарища Ленина, чтобы не расслаблялся в своих теоретических построениях, во вторую – стимулирую им Кобу, ибо ему придется заниматься этим практически, и уже в третью очередь по этой теме мне необходимо просветить Ольгу Николаевну. Это было отдельное совещание «на троих», которое я решил собрать после того, как молодое поколение Романовых немного освоилось в Тридесятом царстве. Также, с правом совещательного голоса, при этом разговоре необходимо было присутствовать Татьяне. Она в Тридесятом царстве повсюду ходит вместе с Ольгой, ну просто не разлей вода. Немного подумав, я добавил в эту компанию и Николая, чей визит в Тридесятое царство должен быть крайне краткосрочным – только на совещание. Должен же Император Всероссийский, пока он на боевом посту, знать, что к чему и почему планирует его новоявленный союзник.

При этом Алексей, едва попав в Тридесятое царство, оказался на попечении Лилии. Маленькая целительница провела первый осмотр и предписала цесаревичу режим ванн и медитаций, чтобы компенсирующее заклинание, совместно наложенное ею и Колдуном, вросло в ауру ребенка самым оптимальным образом. Младшую пару царевен, Марию и Анастасию, я поручил заботам Профессора и Матильды, дабы провели по всем интересным местам,

показали главные чудеса, но при этом не допускали лишнего риска. Активные игры на свежем воздухе приветствуются, а вот скачки без седла на необъезженных мустангах – нет. По ходу этих прогулок Анастасию надо было еще отвести к Колдуну на предмет определения уровня магических способностей, и, если результат проверок будет ожидаемым, в самом ближайшем времени нам придется провести еще одну инициацию, после чего в семье Романовых заведется своя волшебница погоды. Компактный механический источник магии теперь для нас не проблема.

Я даже представил себе, как в изнывающую от засухи какую-нибудь Саратовскую губернию приезжает младшая сестра императрицы: выходит, босая, в иссушенное поле, раскидывает руки, и в радиусе примерно двухсот километров от этого места из стремительно сгущающихся облаков крупными каплями начинает идти долгожданный дождь. Или, наоборот, во время уборки урожая одним мановением женской руки над половиной территории Европейской России остановятся проливные дожди, из-за которых обычно хлеба ложатся и гниют в полях. Да ведь мужики потом царское семейство на руках носить будут. При этом маленькую Анастасию из «младшего» набора Романовых сейчас бессмысленно беспокоить для проверки магических способностей, потому что в мире Подвалов юных девиц тестируют на способности к магии по окончании гимнасиума, как раз примерно в тринадцать лет. До этого возраста Настасье предстоит расти и набираться опыта, как обыкновенному ребенку.

И вот в моем кабинете в Башне Силы по левую сторону стола сидят Ильич и Коба, по правую – Ольга, Татьяна и отец их, император Николай Александрович, прибывший в мои владения с краткосрочным визитом. Великие княжны смотрят на сидящих с противоположной стороны стола доброжелательно, а император насторожен и ждет подвоха. И наоборот. Товарищ Ленин взирает на царское семейство с недоверием, взгляд же Кобы полон практического интереса. Ему вполне по плечу в составе тандема с Ольгой принять Россию с сохой, а оставить с такой ужасной мощью, что алчные янки за своими двумя океанами в испуге будут рыть бомбоубежища до самого центра Земли и по ночам трястись от страха.

Я вижу, как укрепляются багровые нити взаимной симпатии, связывающие будущую правящую императрицу и очередную инкарнацию товарища Сталина. Вижу я и то, что влияние Лилии в этом деле самое минимальное. Она только чиркнула спичкой, а пламя в этих двоих разгорелось само. Кобе в Основном Потоке все время доставались женщины не его калибра, и оттого этот человек,

весьма успешный в политике, в личной жизни терпел сплошные поражения и даже унижения. Теперь у него есть шанс составить с Ольгой уравновешенную пару, которая будет править такой же уравновешенной страной. Конечно, у многих великих жены были домашние клушки, о чьем существовании большой мир даже не подозревал, но будущий товарищ Сталин, видимо, так жить не может.

Сидя друг напротив друга, эти двое непрерывно перебрасывались взглядами, и Николай Второй заметил эту перестрелку глазами. И этой легкомысленной особе, принявшейся флиртовать, едва она вырвалась на свободу, он должен передать трон своих предков?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Военный агент, он же военный атташе – представитель военного ведомства при дипломатическом представительстве или миссии назначившего его государства.

2

Ольга-младшая ориентируется на историю из книг и не знает, что в этом варианте бытия слова о переводе войны империалистической в войну

гражданскую так и не прозвучали вслух, ибо тому воспротивился Серегин.

3

Хольмганг – смертельный поединок у скандинавов.

4

В те бесхитростные времена машкерадные военные мундиры подшефных полков для членов семьи Романовых женского пола комплектовались длинными юбками до пола, а не форменными штанами – высокознатные предки никак не могли признать, что у женщин тоже две ноги, как и у мужчин.

5

АнМама? – бабушка.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylovskiy_aleksandr/god-1914-y-vremya-prozreniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)